

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ РАБИН ГУТА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Рабин Гут

Алексей Лютый

Двенадцать подвигов Рабин Гута

«Научная книга»

Лютый А.

Двенадцать подвигов Рабин Гута / А. Лютый — «Научная книга»,
— (Рабин Гут)

Судьба продолжает подбрасывать сюрпризы веселой и находчивой троице ментов. Похоже, путешествия во времени становятся их хобби. Теперь кинолога Рабиновича, криминалиста Попова и омовца Жомова занесло в древнюю Грецию, причем на разборки с самим Зевсом! Надо в очередной раз спасти мир, чем с успехом и займутся в этой книге наши старые знакомые.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Лютый

Двенадцать подвигов Рабин Гута

Часть I

Кончил дело, туда тебе и дорога!

Глава 1

Ну вот и сбылась мечта идиота! Мы дома, и в это даже не верится, если честно. Как-то отвык я от всего. И от аромата выхлопных газов, о котором мечтал долгими скандинавскими ночами, чихать хочется, и «педегри» в пасть не лезет, а уж грязь на улицах раздражает хуже блох! Ну вы посмотрите, лапу поставить некуда. Тут наплевано, там какая-то сволочь бутылку разбила. Под деревом человеком нагажено, а уж окурков столько валяется вокруг, что кажется, будто весь город табачным запахом пропитался. Бедному псу и вздохнуть полной грудью возможности никакой нет.

Впрочем, я не расстраиваюсь. Какая-никакая, а это моя Родина. И уж поверьте мне, нет ничего приятнее, чем ощущать себя в своем времени и на своем месте. Опять же футбол по телевизору показывают.

Правда, конечно, поначалу не все так гладко пошло. Помните, какой дебош Сеня устроил, когда котомку свою сразу найти не смог? Как это не помните? Вы вот лично, мужчина, где были, когда бог память раздавал? За пивом стояли? А вам, женщина, в это время, наверное, повестка к косметологу пришла? Ах, вы предыдущую книгу не читали? И первую тоже? Просто наказание какое-то... Ау, Горыныч, ты где? Расскажи за меня все сначала. Это у тебя три языка, один болтливее другого. А у меня один всего. Да и тот только бульон из миски лакать приучен. Пытаюсь сейчас на практике человеческий мат освоить, но пока плохо получается. Только одно слово практически без акцента произношу. Да и оно, по-моему, вполне литературным выражением считается.

Ну да ладно. Мои лингвистические способности обсудим в более подходящее время, а пока придется коротко ввести вас в курс дела. Есть у меня три друга – Ваня Жомов, Андрюша Попов и Сеня Рабинович. Правда, один из них хозяин, но это не страшно. Бывают в жизни вещи и поужаснее. Например, теща в роли альфа-лидера или свекровь в качестве панадолы. И от головы, и от температуры. Был такой случай! Мне однажды рассказывали...

Что-то я опять отвлекся. Прямо беда со мной, после возвращения домой жутко рассеянный стал. Уж и не знаю от чего. То ли от перемены климата и смены временных поясов, то ли просто от того, что из-за нашего затянувшегося путешествия у меня жизненный цикл нарушился и мой персональный весенний гон начинается теперь прямо посреди ноября. А может быть, просто истосковался по родной обстановке. Не знаю, но оставляю решение этих вопросов собачьим психиатрам. Пусть, как только их изобретут, они над моими проблемами голову поломают, а я пока продолжу.

Так вот, трое моих друзей, которые, между прочим, вместе со мной несут службу в милиции, после традиционного отмечаемого профессионального праздника вступили в несанкционированный контакт с колдуном Мерлином и оказались в местах очень отдаленных. Таких, что Колыма после них просто соседним двором покажется. Из-за своего идиотского упрямства три доблестных милиционера утащили меня за собой, и пришлось нам помотаться во времени и пространстве. Побывали и в древней Англии, и в ее более современном варианте. А затем,

совершенно случайно, посетили с дружественным визитом Скандинавию в целом и Одина в частности. По дороге насмотрелись всяких чудес и дикушинок, стригущий лишай им на все волосатые части тела! Ну а по окончании этой идиотской турпоездки вернулись домой. Причем, знаете ли, тоже абсолютно не нарочно!

По дороге мой Сеня, как это у него заведено, подбирал всякую дрянь. То банду разбойников в Шервудском лесу, то птенцов из-под кукушки для колдовского зелья, а то просто су... пардон, женщин. Хотя больше всего на свете Рабинович любит коллекционировать деньги и драгоценности, что пристало скорее Скупому рыцарю, а не честному менту. По большей части насобирал Сеня бриллианты, надеясь на безбедную жизнь где-нибудь подальше от Красного моря, вот только именно эти камушки его и подвели. Неизвестно отчего, но алмазы все до единого превратились в графит. А за остальные самоцветы можно было, конечно, выручить некоторую сумму, но совсем не такую, как Сеня рассчитывал. И пришлось Рабиновичу оставить все мечты об образе жизни пресыщенного путешествиями аристократа.

Ваня с Андрюшей тоже, разгуливая по временам и параллельным вселенным, стяжательством не брезговали. Вот только в отличие от Рабиновича сноровки особой проявить не смогли. Поэтому их основными призами за перенесенные тяготы и лишения стали лишь большой, погнутый в углах серебряный крест да огромная золотая чаша, называвшаяся Святой Грааль до того, пока ее не потеряли англичане, и переименованная Ваней в Мою Питейную Емкость после того, как он ее нашел.

Моим же единственным трофеем, привезенным из иностранных земель, оказались два десятка блох, проникновение которых в мою безукоризненную (хм!) шерсть я проморгал во время одной из ночевки в блохастой Скандинавии. Впрочем, прожили они у меня недолго, поскольку Сеня первым делом – конечно, после того, как проинспектировал свои «сокровища», пожаловался на судьбу-злодейку, обзвонил друзей и т. п. – вымыл меня в ванной антиблошинным шампунем. Блохи, хоть и оказались шведского качества, как «Сааб», сдохли довольно быстро, и я вновь стал радостен и чист. Последнее словосочетание употребляйте в любой удобной вам последовательности!

Правда, несмотря на «первоочередность» Сениной заботы о моих чистоте и здоровье, все же нужно отдать ему должное. О своей гигиене он тоже позаботился. После меня в ванну залез... И вы не улыбайтесь многозначительно! Мой Рабинович не относится к тем людям, которые, погладив пса, тут же руки бегут мыть. Он, между прочим, знает, что у породистых собак шерсть более стерильна, чем ваши руки перед завтраком. Конечно, если эти псы за собой следят и хоть раз в неделю заставляют хозяев их купать. А я именно к таким и отношусь – и породистый (чистокровный кобель немецкой овчарки), и аккуратный.

В общем, едва мы с Сеней закончили приводить себя в порядок, как домой к нам нагрянули Ваня с Андрюшей. Оба довольные, сияющие. Особенно Попов. Он, видите ли, едва от радости не лопнул, когда, проснувшись утром, сообразил, что вернулся домой в ночь с десятого на одиннадцатое ноября и его любимые рыбки еще даже проголодаться не успели. Правда, как он сказал, там мамин кот около аквариума как-то подозрительно vyhаживал, но Андрей бесову животину быстро приструнил, отправив разгуливать к подъезду. Туда ему и дорога! Ну, не пойму никак, зачем люди этих котов домой пускают? Самое место им в подворотнях и на чердаках.

У Жомова тоже веский повод для радости был. Понимаете, он в нашей компании – единственная аномалия. Женатый человек, что с него возьмешь? Вы, если тоже в такую беду попали, поймете, что могло бы быть, явись Ваня домой хоть на сутки позже, чем это позволено рабочим графиком. А он ведь не на сироте женат. У него и теща, между прочим, имеется. Да и мы уж никак не меньше месяца по разным там вселенным шатались.

Вот и представьте, как обрадовался Жомов, когда проснулся утром одиннадцатого рядом с женой, да к тому же, сколько она ни принималась, была вынуждена с горечью конста-

тировать, что запах алкоголя у инспектируемого объекта абсолютно отсутствует. Она ведь у него, как гаишник, только благодаря пьяным и живет. Правда, работники дорожной инспекции деньги таким образом на пропитание добывают, а Ванина жена кровь пьет. Правда-правда! Он сам не раз моему Рабиновичу об этом говорил. Только, видимо, пьет она помалу. Поскольку за столько раз, сколько Жомов за их совместную жизнь домой пьяным приходил, я, наверное, кровь бы у половины города выпить смог. А Ваня ничего. Живой ходит и даже не бледнеет. Прямо не человек, а кровеваренный завод!

В общем, все были рады, один Рабинович грустил. Да оно и понятно, у Сени забот всегда больше всех. Вот вы сами подумайте, Жомов с Поповым по возвращении хоть что-то, но приобрели: Андрюша нашел своих рыбок в добром здравии, а Жомов спасся от жены-кровопийцы. Даже я и то сделал приобретение, пусть и сомнительное, в виде сувенирных скандинавских блох, и лишь Сеня окончательно потерял мечту о Канарах. Вот такая несправедливость! И мой Рабинович настолько расстроился, что даже способность трезво рассуждать потерял.

– Нет, не будем, – отрезал он, когда Жомов предложил выпить в честь благополучного возвращения. – Охренел совсем? Нам на службу еще идти.

– Что это с тобой, Рабинович? – ошарашенно поинтересовался Иван. – Сегодня ведь по календарю одиннадцатое ноября. Значит, вчера праздник был, и все в отделе удивятся, если мы туда неопохмеленные придем. У них же просто обмороки случаются! Тебе людей не жалко?

– Жомов, если я сказал «нет», значит, не пьем! – Ну, просто позавидовать можно твердости характера моего хозяина! – Вот после работы отметим возвращение. А сейчас хватит лясы точить. Одеваемся и выходим!

Попов с Жомовым удивленно переглянулись. Мне же невыносимо захотелось поставить лапы Рабиновичу на грудь и посмотреть в его умные глаза. Или какие-нибудь анализы у Сени взять, чтобы удостовериться в подлинности Рабиновича. Не мог же за ночь человек так кардинально перемениться?! Но я пес серьезный, не болонка какая-нибудь приبلудная, поэтому на задних лапах скакать не стал, а покорно взял в зубы поводок и направился к двери. Андрюша с Ваней тоже не дураками оказались. Они синхронно пожали плечами и пошли следом за мной.

До отдела внутренних дел от нашего дома – десять минут ходьбы. Мы же их превратили во все двадцать из-за того, что Жомов с Поповым, как два идиота, пялились по сторонам, то и дело останавливаясь и с бурной жестикуляцией принимаясь обсуждать ту или иную деталь окружающего пейзажа. Понять их, конечно, можно. Все-таки по родным урбанистическим красотам мы все соскучились. Но когда два взрослых мужика, да еще одетых в милицейскую форму, начинают хлопать друг друга по плечам и орать: «Ой, смотри-смотри, троллейбус поехал!» – это выглядит, мягко говоря, странно. Так и тянет подойти к ближайшему телефону-автомату и набрать номер «Скорой помощи». Удивительно, что никто из прохожих помочь душевнобольным ментам так и не попытался. Просто пялились удивленно, а кое-кто даже на другую сторону улицы поспешил перебраться.

Один только мой Сеня выглядел грустно-задумчивым. Шел себе тихонько по тротуару, опустив голову, и даже мой поводок в руку взять забыл. Понятно, конечно, что он из-за утраты драгоценностей расстроился, но я почему из-за этого страдать должен и собственным поводком давиться? А Рабинович моих страданий не замечал, и я так и довел сам себя до нашего отдела. От этого, честное слово, крамольные мысли в голову полезли: а может быть, раз я сам оба конца поводка контролирую, то хозяин-то мне и не нужен?.. Но я титаническим усилием воли прогнал эти дурацкие думы прочь. Согласитесь, не бросать же мне хозяина из-за того, что он один раз свои прямые обязанности выполнить забыл! Пропадет он без меня...

Не знаю, что именно так угнетало Сеню. Конечно, разрушенные в прах мечты еще никому радости не доставляли, но, может быть, мой Рабинович так же, как и я сам, чувствовал себя неуютно дома. Уж не знаю, что именно, но что-то вокруг мне казалось странным и необычным. И вывеска над магазином вроде бы не так висит, и этих афиш о концерте я, кажется, раньше не

видел. В общем, такое ощущение, что мир вокруг переменялся. А может быть, переменялись мы за долгое путешествие? Не знаю. Но забивать этой чепухой себе голову я не стал. Просто решил махнуть на все хвостом и заново попробовать привыкнуть к цивилизованной жизни. Тем более что и к отделу мы уже подошли. Пора приступать к работе! Но тут и начались первые странности...

Несмотря на то что мы вышли из дома раньше обычного, на утреннюю планерку все-таки умудрились опоздать. Наши коллеги уже расходились по своим рабочим местам, а мы только еще подошли к «аквариуму». К моему вящему удивлению, на месте старшего дежурного по отделу сидел не бессменный Матрешкин, а не кто иной, как сам наш начальник – подполковник Кобелев. Причем погоны на нем были лейтенантские! Я застыл, не веря своим глазам, да и мои товарищи оторопело уставились на нового дежурного, явно не понимая, что это за чудо. А Кобелев, кстати, с не меньшим удивлением смотрел на нас. Даже рот раззявил, будто четыре привидения враз увидел.

– Это что, новый прикол? – оторопело поинтересовался Жомов, пихая локтем моего Сеню и кивая головой в сторону Кобелева.

Рабинович ничего не ответил, видимо, от удивления потеряв дар речи. Он таращился на «лейтенанта-подполковника», а тот пялился на Жомова, не замечая ничего вокруг. Естественно, дежурный был в «аквариуме» не один, а с помощником. И тот, закончив с кем-то разговор по телефону, присоединился к своему начальнику, уронив трубку из рук. Немая сцена росла и ширилась. В дежурку то и дело заходили иные-прочие сотрудники нашего отдела и поочередно застывали, глядя на нас, как на призраков. Мои менты не желали приходить в себя, не в силах оторвать глаз от претерпевшего метаморфозу Кобелева, а я метался от одного к другому и постепенно начинал звереть, извините, от тщетности собственных усилий вернуть их к действительности. Я уже успел порычать и подумывал, не покусать ли кого-нибудь, но тут неожиданно мне оказали помощь.

– И что это тут, как в бане, за выставку восковых фигур устроили? – прогремел позади меня знакомый голос. Я обернулся и едва не уронил нижнюю челюсть себе на передние лапы!

В дверях, ведущих в глубь нашего отдела внутренних дел, стоял экс-старший дежурный Матрешкин. Причем стоял не как-нибудь, а подбоченясь, гордо неся на плечах подполковничьи погоны. Сеня медленно, о-очень медленно повернулся к нему. Движение моего хозяина повторили и Жомов с Поповым, причем Андрюша от неожиданности едва не приземлился на пятую точку и почему-то похлопал себя по карманам. Крест, что ли, искал?! А Матрешкин замер в дверях, подобно всем остальным. Несколько секунд он молча багровел, а затем прычал:

– Жомов, и что это за маскарад ты тут устроил? После вчерашней пьянки отойти не можешь? – И прежде чем Ваня успел что-либо ответить, «подполковник-лейтенант» продолжил орать: – Ты что это такое на себя нацепил?

– Не понял, что за наезд?.. – обескураженный Жомов осмотрел себя с ног до головы. – Форма как форма.

– Ты мне тут свою «гоблинскую» лексику не выставляй напоказ. Тут тебе отдел милиции, а не конкурс пародистов, – продолжал визжать Матрешкин, окидывая взглядом безмолвствующую аудиторию. – Дурака он из себя строит! А то не знает, что ОМОН уже три года, как ликвидировали. Или, можно подумать, сам когда-нибудь в ОМОНе служил...

– Не понял, – вновь повторил Ваня, теряясь еще больше. – А где же я служил, по-твоему?

– Ты мне не тыкай, лейтенант, – заорал как резаный новоиспеченный подполковник. – Марш домой, переоденься в нормальную форму и топай к себе в криминально-экспертный отдел...

Вот тут у всех у нас челюсти окончательно поотваливались. Люди добрые, это что же такое на белом свете творится?! Я совершенно не понимал, что происходит, а мои менты, судя

по их вытянутым физиономиям, разбирались в ситуации даже хуже, чем я сам. Впрочем, они всего лишь люди и требовать от них быстроты мышления просто грешно. Тем более что все вокруг страшно напоминало дешевый розыгрыш. И первым эти мысли озвучил Попов.

– Ребят, это что, приколы такой у вас сегодня? – растерянно поинтересовался Андрюша. – Прекратите дурака валять. Не до шуток мне...

– Во-во, – поддержал его Жомов. – Я не знаю, кто это придумал, но как только пойму, не одни рога напрочь посшибаю!

– Ой, да помолчи ты, киллер доморощенный! Ты хоть комара когда-нибудь прихлопнул в своей жизни? – махнув рукой, оборвал его Матрешкин.

Все остальные сотрудники отдела, наши коллеги, так сказать, услышав эту фразу, дико загоготали, как будто стадо гусей при виде кошки. Жомов от такой несказанной наглости сначала оторопел, а затем я заметил, как начали блестеть у Вани глаза... Ой, мать моя овчарка немецкая, что-то сейчас будет! Я буквально наяву увидел, как разгневанный Жомов начинает крушить все вокруг направо и налево, и начал просчитывать, сколько же ему суток за такой беспредел в участке влепят, но погрома не произошло. Рабинович вцепился в разъяренного Ивана мертвой хваткой и, к моему вящему удивлению, сумел удержать омовца на месте. Мне оставалось только поражаться, откуда у Сени для такой рискованной операции силы взялись! И поверьте, зрелище было столь незабываемым, что я даже хвостом от удивления завилял, чего со мной со щенячьего возраста не было. А Матрешкин тем временем повернулся к Андрюше, будто Жомова и не существовало вообще.

– А вам, Андрей Гаврилович, должно быть стыдно с подчиненными в игрушки играть! Все-таки вы мой заместитель и должны вести себя соответственно. Так сказать, показывать сотрудникам пример чести и достоинства милицейского мундира. А вы что тут за балаган устроили? – грозно поинтересовался то ли лейтенант, то ли подполковник. Попов от изумления просто закаменел. – Будьте добры, наденьте майорские погоны обратно на плечи, – не обращая внимания на ступор Андрея, закончил свою тираду Матрешкин. – А то, как клоун, Гаврилыч, выглядишь, ей-богу!

– Все, приехали, – обреченно подал голос мой Сеня. – Ну а я в этом бардаке чем занимаюсь?

– Ты чего, Рабинович, охренел совсем? Допился до ручки? Совсем бордель от службы уже не отличаешь? – заверещал в ответ новоявленный начальник отдела. – Скажи еще, что и ты не знаешь, что такое ППС! И потом, тебе сколько можно говорить, что собаку таскать на работу запрещено?! Тут тебе не зоопарк в джунглях, а государственное учреждение. Отведи своего пса домой и через пять минут придешь ко мне в кабинет за выговором!

Постойте, постойте! Это как это меня домой отвести? Я, между прочим, на службе лучшие молодые годы загубил, за всякими ворами, убийцами и насильниками по злочным местам гоняясь да среди футбольных фанатов порядок поддерживая. Я, Матрешкин, не меньше твоего прав имею в этом отделе находиться!

– Фу, Мурзик, – как всегда, оборвал меня Сеня. Уж и слова не скажи! Пришлось заткнуться. А Рабинович посмотрел на ошалевших друзей. – Пошли отсюда, ребята!

– Вот именно! Марш все трое домой переодеваться, – рявкнул Матрешкин, видимо, для самоутверждения. – Чтобы через час были в отделе в надлежащем уставу внутренних дел виде. – А затем заорал, переводя глаза с одного сотрудника нашего отдела на другого: – А вы что уставились, будто в цирк пришли?! Дел ни у кого нет или выговор получить каждый хочет? – и, не дожидаясь ни от кого ответа, круто развернувшись, скрылся в глубине помещения.

Сеня, покачивая головой, несколько секунд безмолвно смотрел Матрешкину вслед, а затем подобрал с пола поводок, который я из зубов выплюнул, когда пытался новому «подполу» политику партии разъяснить, и, дернув меня за собой, направился к выходу. Ваня Жомов зло осмотрел всех присутствующих в аквариуме наших коллег – если после всего случившегося их

так можно было назвать! – а затем пошел за Рабиновичем. Последним, задумчиво почесывая лысину на макушке, из отдела вышел Андрюша.

Мы понуро брели обратно от отдела внутренних дел к нашей с Сеней квартире. Настроение у всех было подавленное, да оно и понятно. Кому это приятно снова оказаться обманутыми? Ну вы сами посудите, разве похоже это безобразие на наш родной мир? Жомов – эксперт-криминалист, Попов – зам начальника отдела, мой Сеня – пэпээсник, а я и вовсе в органах не служу. Нет, определенно, это нонсенс! Ну, удружила нам эта дурацкая старуха со своими снежками. Домой вернула, называется! А тут домом и не пахнет, как ни принохивайся. А я еще голову ломал, почему мне все вокруг странным кажется? Раньше следовало догадаться, что нас снова в какую-то параллельную вселенную занесло. Вот только где же тогда Горыныч? Наверное, в какой-нибудь кунсткамере заспиртованный плавает? Жалко. Он мне иногда даже нравился!

Судя по всему, моих ментов одолевали те же самые грустные мысли, поскольку шли они молча и голов от земли не поднимали. Ну чистые питбули на прогулке. Разве что морды не такие тупые. Все трое передвигались, еле переставляя ноги, и никто не произносил ни слова. Лишь Ваня Жомов пару раз порывался что-то сказать. Но, каждый раз запутываясь в дебрях своего словарного запаса, лишь махал рукой и продолжал путь молча.

Не доходя до дома, Сеня уверенно свернул к дверям гастронома. Что, собственно говоря, и следовало ожидать, поскольку мой хозяин был абсолютно нормальным человеком и, испытав два жесточайших разочарования за пару часов, просто не мог не напиться. В винном отделе Рабинович самым безжалостным образом обчистил карманы своих друзей и купил две бутылки водки. После недолгих раздумий он приобрел и третью. Жомово-поповских денег на закуску не оставалось, а своих было жалко, поэтому Сеня решил разносолов не покупать. Дома он выудил из холодильника две банки кильки в томатном соусе и соленые огурцы, которые тетя Соня прислала еще к прошлогоднему Дню милиции. В этом году она ограничилась поздравительной открыткой без марки, которую, видимо, бросил к нам в почтовый ящик кто-то из ее знакомых, случайно оказавшийся в наших краях.

Рабинович разложил все это съестное великолепие (и открытку в том числе!) на столе, высыпал мне в миску остатки «Педигри» и широким жестом пригласил всех к столу.

– За что выпьем? – наивно поинтересовался албанский мальчик Попов. Я, лежа под столом, буквально всей шкурой почувствовал, что мой Сеня собирается сказать очередную гадость, но он почему-то сдержался.

– За победу наших на зимних Олимпийских играх, – меланхолично ответил Рабинович.

– Каких наших? – жомовская рука с рюмкой застыла на полдороге ко рту.

– Сборной Израиля, – не меняя интонации пояснил Сеня.

– А при чем тут Израиль? – удивился Попов.

– А тебе не все ли равно? – в тон ему спросил Рабинович.

Судя по раздававшемуся булькающему звуку, Андрюше было действительно все равно. Подумав, как много я упускаю, не видя их постных физиономий, я выбрался из-под стола и занял наблюдательный пункт на промятом Сенином диване. Рабинович меня обычно оттуда гонял, но в этот раз лишь проводил взглядом и не пошевелился. Жомов с Поповым и вовсе на мою смену дислокации внимания никакого не обратили. Да и что им на меня смотреть, когда водка на столе стоит? Вот только в этот раз гулянка получилась такой же радостной, как кобель на цепи во время брачного периода. До четвертой рюмки никто из ментов больше не произнес ни слова, а затем Ваня полюбопытствовал:

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? Как этот хрен, Матрешкин, за одну ночь подполковником оказался? И что это там он за пургу про ОМОН гнал? Как его могли три года назад распустить, если я, получается, только вчера с мужиками на задание вместе ездил? Нас

три года, что ли, не было? А почему никто не удивился? – Жомов вдруг застыл и внимательно посмотрел на Рабиновича. – Сеня, мы что, снова не туда попали?

– Дошло, как до утки – на третьи сутки, – ухмыльнулся Рабинович. – Гений ты у нас, Ванюша. Жаль, что никто об этом не догадывается...

– Ты мне зубы не заговаривай, – Жомов показал моему хозяину кулак. – Опять твои шуточки дурацкие? Колись быстро, куда ты нас загнал.

– В психбольницу! – Сеня, потеряв терпение, заорал так, что даже я чуть с дивана не свалился. – Задолбали оба с Поповым. Что вокруг ни происходит, во всем я вам виноват. В Англию попали из-за Рабиновича, к викингам вас тоже Рабинович затащил, водкой Рабинович вас спаивает... И в ментовке все с ума посходили, так и тут опять я же виноват. Крайнего нашли, что ли?

– Да я просто так спросил, – стушевался Ваня. – Спросить, что ли, ничего уже нельзя?

– А я вообще молчу, – решил заранее оправдаться Попов.

– Вот и молчи! – рявкнул на него Сеня и разлил водку по рюмкам.

Ох, не пойму я этих людей! Каждый раз из мухи слона делают. Конечно, оказавшись вместо дома в какой-то очень похожей, но совершенно чужой вселенной, расстроиться каждый может, однако не истерики же из-за этого устраивать. Мне ведь не лучше, чем моим ментам, пришлось. Они хоть в этой вселенной работу сохранили, а меня и вовсе из органов выперли. Так я же не бегаю кругами и не вою на луну! Конечно, старуха, к которой нас эльф привел, здорово нам напакостила, но в теперешнем положении есть и определенные плюсы. Во-первых, если раньше мы мотались по всяким там древнемистическим мирам, то сейчас оказались практически дома. А это значит, что мы на правильном пути. Ну а во-вторых, выбирались уже и не из таких переделок. Что-нибудь да придумаем!

– Значит, мы снова не дома, – Жомов горестно вздохнул и продолжил искать крайнего: – Ох, поймаю я этого поганого эльфа...

ХЛО-О-ОП!!!

Договорить Ваня не успел. На высоте полуметра от стола совершенно из ниоткуда появился наш старый летучий знакомый. Бешено размахивая своими маленькими крылышками, эльф посмотрел на застывших в изумлении ментов и спикировал вниз, опустившись рядом с открытой консервной банкой. Критически исследовав ее содержимое, Лориэль макнул в соус палец и, осторожно облизав его, тут же брезгливо сплюнул.

– Привет, козлы безрогие, – поздоровался вежливый эльф и пнул ногой консервную банку. Та даже не пошевелилась. – Да-а, хреново вы тут питаетесь. У нас таким дерьмом даже гоблинов не кормят.

– У нас тоже, – устало вздохнул Рабинович. – Мужики, если хотите, можете оторвать ему все, что под руки попадет.

– Э-э-э! Охренели совсем? – завопил Лориэль, взвываясь вверх. – Разве так старых друзей встречают? А, мать вашу? Забыли, уроды, сколько я из-за вас выстрадал? Да за такие дела морды бить нужно!

– Что я сейчас и сделаю, – пообещал Жомов и попытался поймать маленького нахала в пригоршню.

Не тут-то было! Эльф легко увернулся от Ваниной ладони и, совершив в воздухе невероятный кульбит, оседлал жомовскую кисть и укусил его за большой палец. Омоновец хрюкнул от неожиданности и попытался ладонью второй руки прихлопнуть наглеца, но эльф ускользнул и от этого удара и, зависнув перед носом Попова, показал ему язык. Андрюша, только утром произведенный в чин майора, такой наглости, естественно, стерпеть не мог и попытался сбить Лориэля пустой рюмкой, но промазал и едва не угодил Жомову в лоб. А маленький наглец взлетел к потолку и оседлал люстру.

– Ах, так, козлы? – угрожающим тоном поинтересовался он сверху. – Я, значит, мотаюсь, как проклятый, вас спасаю, а взамен что? Ни пожрать, ни выпить не дали, да еще и покушение на убийство организовать надумали? Я фигею! Да пошли вы все... – эльф на секунду задумался, – ...в свой отдел на новых должностях работать!

Лориэль плюнул сверху, угодив Попову на лысину, и растворился в воздухе, прежде чем я на него гавкнуть успел. Вместо этого я лишь клацнул зубами и соскочил с дивана на пол. Ох, стригущий лишай меня разбери, как мне хотелось в этот момент перекусать всех трех ментов! Эльф, конечно, не подарок, но нельзя же было на него так откровенно наезжать. Ведь в прошлые разы все было более-менее ясно. Чтобы вернуться домой, нам нужно было только отыскать того, кто перенесет нас в наше время и нашу вселенную. А теперь что делать? Впору хоть действительно на работу идти, как Лориэль посоветовал.

Слушать меня, естественно, никто не стал. Рабинович снова рывкнул, отправляя меня на место, а Жомов попытался успокоить, погладив по голове. Так я и разрешил ему об меня руки вытирать! Отскочив в сторону, я уже собрался поднять бунт, но в этот момент к моему хозяину неожиданно вернулось здравомыслие.

– Ваня, оставь пса в покое, – потребовал он и, когда Жомов выполнил это распоряжение, добавил: – Мужики, может, нам, прежде чем бучу поднимать, нужно было выслушать, что эльф скажет?

ХЛО-ОП!

– Че, козлы, думали, избавились от меня? – заверещал Лориэль, вновь появляясь над столом. – А вот хрен угадали! Я вам еще не всю кровушку попортил. Вы еще к Оберону будете прошения тоннами писать, для того чтобы меня в другое место перевели, и все равно не выйдет у вас ничего!

Вот такого точно никто не ожидал! До сих пор еще не было ни одного случая, чтобы маленький наглец, исчезнув однажды, вновь возвращался к нам через несколько секунд. А теперь вот он, висит над столешницей и злобно сверкает маленькими глазками. Мои менты на несколько секунд потеряли дар речи, а затем Сеня поднял руки вверх, будто сдаваться собирался.

– Не ори, Лориэль, – примиряющим тоном проговорил Рабинович. – Давай поговорим спокойно.

– Ага, урод длинноклювый, как бешеный тролль тебя за задницу укусил, так даже имя мое вспомнил? А до этого оторвать мне все, что можно, собирался? – возмутился жужжащий недомерок. – Хрен тебе за пазуху. Не выйдет у нас разговора!

– А зачем ты тогда появился? – обезоруживающе-наивно поинтересовался Сеня.

– Я появился?! – агрессивно изумился эльф и тут же одернул себя. – Ну да, я и появился, тролль вас всех раздери...

– Тролль перетопчется, – отрезал Рабинович, откидываясь на спинку стула. – Ты лучше объясни, как нас снова в чужую вселенную занесло?

– Вы что, в натуре ничего не поняли? – удивился Лориэль. – Во тупорылые! Да вы же у себя дома...

Мне срочно потребовалось кого-нибудь укусить! Я, конечно, ожидал от эльфа любых, самых мрачных, известий, но то, что он сказал, совершенно не укладывалось у меня в голове. Сомневаться в утверждении Лориэля у меня не было никакого повода. Все-таки он уже не раз доказывал, что знает всю сложную структуру взаимодействия и сосуществования параллельных миров куда лучше, чем мы все, вместе взятые, и все же его словам верить не хотелось. Ведь если мы вернулись домой и оказались в таком бардаке, то получалось, что наши путешествия между мирами изменили настоящее и теперь мне придется смириться с незавидной ролью комнатной собачки. А от этого любой нормальный пес взбеситься может. Что я и сделал.

– Фу, Мурзик! – рявкнул на меня Рабинович (а чего еще от него ждать?) и повернулся к эльфу. – То есть как это дома? Объясни!

И Лоризель объяснил. Поначалу я даже слушать его не хотел, но затем начал понимать, что еще не все нами потеряно. Положение хоть и сложное, но вполне поправимое. Не буду вам подробно пересказывать всю его болтовню. Эльф хоть и пытался объяснять ситуацию доступным языком, но все равно иногда залезал в такие дебри специфических терминов, что заумные речи Горыныча по сравнению с рассказом Лоризеля казались детским лепетом.

В общем, дело было так! Мотаясь между мирами, мы нечаянно нарушили равновесие, вызвав своими поступками целую волну неуправляемых событий. Эльфийские специалисты считали, что все их можно исправить, но для этого мы должны были либо самостоятельно найти путь из владений Одина к себе домой, либо просто погибнуть во время Рогнарека. Как вы знаете, ни того ни другого не произошло и происшествие со старухой испортило ситуацию окончательно.

Бабка оказалась злыдней и, услышав от моего Сени имя верховного аса, решила нас уничтожить индивидуально разработанным колдовским методом, но вместо этого вернула всех домой. Однако наше перемещение между пространствами параллельных вселенных вновь получилось спонтанным и вызвало огромные волны искажений их структур. Миры сжимались и разжимались, накладываясь один на другой, а когда стабилизировались, изменения оказались очень серьезными.

– Я уже говорил вам, что от судьбы вашей вселенной в целом и России в частности зависит хрупкий баланс сил, предохраняющий миры от коллапсирования, – подвел черту Лоризель, но договорить не успел.

– Слушай, ты, мух болтливый, объясняйся нормальным языком, – оборвал его Жомов. – Уши уже пухнут от твоих дурацких словечек.

– Ну, естественно! У нормального человека мозги бы опухли, а у тебя, шкаф глазастый, они отсутствуют, – огрызнулся эльф и тут же махнул рукой. – Эх, послать бы вас всех к гномьей матери, да, кроме вас, это дерьмо разгребать некому. Сами напакостили – сами и исправите.

– И куда мы для этого должны отправиться? – поинтересовался умный Рабинович.

– В античную Грецию, – настороженно покосился на него Лоризель. – А точнее, в один параллельный с нею мир. Там Зевс пропал.

Нашему удивлению не было предела. Мои менты завалили эльфа вопросами, и я бы тоже сказал пару слов, да вот никто из них нормального языка не понимал. Пришлось молча сесть на собственный хвост и слушать объяснения дальше. Лично мне и без Лоризеля было ясно, насколько сильное влияние культура Древней Греции оказала на весь мир, и все же кое-что любопытное я из его рассказа почерпнул.

Исчезновение Зевса из параллельной вселенной не прошло для нашего мира даром. После того как верховного бога Олимпа не стало, рассыпалась в прах вся структура древнегреческой религии. Следом за ней раскололось на отдельные анклав, поклоняющиеся собственным богам, и без того не слишком дружное государство. Античные герои, воспетые легендами, начали шляться по различным городам и по большей части просто безобразничать. Греция захлебнулась в междоусобицах и скатилась в варварство еще до того, как началась Троянская война.

Не знаю, известно ли вам, но лично я впервые услышал от Лоризеля о том, что Рим основал один из почти греков. А точнее, троянец Эней, сын тамошнего крутого босса Анхиса и богини Венеры. То бишь греческой Афродиты. Он, дескать, сбежал с семейством из поверженной Трои, добрался до Италии и, опять же при помощи греческих богов, ее завоевал.

Это было... То есть должно было бы быть, но поскольку из-за нас не было Троянской войны, то и Эней никуда не сбегал, а римская цивилизация развивалась под влиянием шумерских

богов. Дальнейшие пакости перечислять можно кучами, но в завершение скажу лишь то, что на свет даже не появились монахи Кирилл и Мефодий, да и крестили Русь не в православие, а в какую-то странную помесь мусульманства и лютеранства. Потом была еще куча изменений, а привела она к тому, что все мы оказались не на своих местах.

– И это еще цветочки, – закончил свой рассказ эльф. – Ткань миров не слишком податлива внешним воздействиям. Пока изменения в вашей вселенной не очень заметны, но с каждым днем они будут нарастать, подобно лавине, и в итоге, с вероятностью в девяносто девять процентов, вы скоро даже перестанете узнавать друг друга. В общем, вам решать. Заставить что-то делать я вас не могу. Не уполномочен. Но если не хотите, чтобы весь ваш мир полностью изменился, нужно искать Зевса.

– А что же вы сами его не найдете? Слабо? – поинтересовался Жомов.

– Слабо, блин! – сквозь зубы процедил Лориэль. – Из-за изменений, произошедших благодаря вашим шатаниям, мы вообще все доступы на Олимп утратили, и ситуация с каждым часом все сильнее выходит из-под контроля...

– Вот это ни фига себе, – возмутился Попов. – Значит, нам нужно всю черновую работу сделать, для того чтобы вы, чокнутые эльфы, вновь миры контролировали?

– Да нет, Андрюша, – вместо Лориэля ответил Рабинович. – Нам это сделать нужно, чтобы домой вернуться. Не в этот бардак, а ДОМОЙ. Лично я считаю, что нам нужно на Олимп отправиться.

– Я за, – Жомов поднял обе руки кверху. – Я без ОМОНа жить не могу.

– Это что же у нас, круговорот ментов в природе какой-то получается? – пробормотал Попов себе под нос. – Конечно, майором быть неплохо, но с таким начальником, как Матрешкин, и святой повесится. Хрен с вами. Поехали!

Глава 2

В этот раз все было проще. Не болела голова, не ломило кости и во рту кошки не гадили. Провал в памяти, конечно, присутствовал, но Рабинович очень быстро пришел в себя и отчетливо осознавал, что именно с ним произошло. Хотя именно этот факт и сводил на нет все приятные ощущения. Сеня резко сел и осмотрелся.

В этот раз их выбросило в параллельный мир на опушке леса, на самом краю широкой травянистой равнины. За спиной у Рабиновича высились какие-то деревья с невероятно яркими изумрудными кронами, впереди издевательски медленно колыхалась под порывами легкого ветерка столь же сочно-зеленая трава, а у самого горизонта возвышались пологие горы, тыкаясь кипенно-белыми вершинами в бирюзовое небо. Буйство красок! Особенно по сравнению с серединой ноября в России.

«Блин, словно в диснеевский мультик ненароком попал», – недовольно подумал Сеня и пнул ногой Жомова, развалившегося на травке неподалеку.

– Рота, подъем! Выходи строиться.

Ваня подскочил как ужаленный. Несколько секунд он совершенно ошалело смотрел по сторонам, а затем разум постепенно вернулся в его синие очи. Старательно проморгавшись, Жомов глубоко вздохнул и потряс головой, окончательно приходя в себя.

– Сеня, ты так больше не ори, – недовольно пробормотал он. – А то ведь и в ухо случайно зарядить могу. Мы уже приехали?

– Угу, приехали, – Сеня усмехнулся. – Поезд дальше не идет. Рельсы кончились. Теперь поплываем пешком.

– И куда? – Жомов недоуменно посмотрел по сторонам.

– Насколько я помню, Олимп – это гора. – Рабинович косо посмотрел на Ивана. – Здесь горы только на севере наблюдаются, а значит, туда и пойдем. Но сначала нужно этого борова в чувство привести.

Сеня кивнул головой в сторону Попова и направился к распростертому на траве телу. А Андрюша храпел, как непрогретый трактор, распугивая местную живность. Правда, полных оборотов храп Попова еще не набрал, но окрестные птицы уже зябко поеживались и затихали, пытаясь прочистить собственные органы слуха от безобразных трелей новоявленного оперного солиста. Рабинович поморщился и тряхнул криминалиста за плечо, но эта манипуляция не дала ожидаемого результата. Попов лишь чмокнул губами и, перевернувшись на другой бок, продолжил выводить рулады. Сеня удивленно хмыкнул, а затем шлепнул ладошкой Андрюшу прямо по маковке. Криминалист хрюкнул в ответ, помолчал пару секунд, а затем вновь продолжил вокальное истязание окрестностей.

Рабинович развел руками и, кивнув головой, пригласил Жомова подключиться к экзекуции. Ваня особо церемониться не стал. Подойдя к Попову, омоновец одним мощным рывком поднял несчастного соню на ноги и отпустил. Андрюша, не открывая глаз, пару секунд раскачивался из стороны в сторону, пытаясь сохранить равновесие, а затем вновь свалился в траву, захрапев еще громче. Жомов с Рабиновичем переглянулись и с удвоенным усердием продолжили побудку. Через минуту к ним присоединился и Мурзик, до этого момента спокойно разведывавший окрестности, однако и с помощью верного пса разбудить криминалиста не удавалось. И лишь когда Сеня сбегал с поповской кепкой к ближайшему ручью и с помощью Жомова нахлобучил ее на лысеющую голову Андрюши, тот открыл глаза.

– У кого мой зонтик? – растерянно пробормотал он, промаргиваясь и шаря вокруг себя руками.

– У рыбы, – ответил Рабинович, поднимаясь с колен.

– А зачем тебе зонтик, Андрюша? – Жомов сочувственно посмотрел в глаза криминалисту.

– Так дождик же идет, – Попов похлопал себя ладонью по макушке и только тогда окончательно проснулся. – Офигели совсем, кабаны, так над людьми издеваться?! Нормально разбудить не могли?

– Не ори. Будили, – поморщился Сеня. – Вставай лучше. А то нам вон до тех горушек плюхать.

– Эх, ничего себе! – присвистнул Андрей. – А какое-нибудь местное такси нельзя вызвать? – Попов поднялся на ноги. – Зачем я только с вами поперся? Сидел бы себе дома, рыбками бы любовался и мамин борщ кушал...

– Говорят, придет беда – не пойдет на ум еда. А Попу на все плевать, было б только что пожрать, – фыркнул Рабинович и подтолкнул криминалиста в спину. – Пошли, чревоугодник, на Олимпе оттянешься!

Андрюша хотел что-то ответить болтливому кинологу, но лишь махнул рукой и поплелся в сторону гор следом за остальной компанией. Жомов, как обычно, возглавил процессию, а Мурзик носился по лугу взад и вперед, то обгоняя ментов, то далеко отставая от них. Сеня не обращал на забеги своего пса никакого внимания, стараясь выработать хоть какой-то план действий.

Перед тем как отправить доблестную троицу в новое путешествие, эльф, как мог, обрисовал им положение дел. Хотя от его рассказа было мало толку. Как объяснил друзьям Лориэль, обычные каналы перемещения между мирами для той вселенной, в которой оказались менты, совершенно не действовали. И как следствие, эльфы утеряли вместе с каналами и возможность получения информации. Для проникновения в мир античных мифов соплеменники Лориэля могли использовать лишь какие-то особые пути, у которых был целый ряд недостатков.

Во-первых, при частом использовании экстремальных каналов последствия для посещаемого мира могут быть еще более страшными, чем после самопроизвольного перемещения ментов. Во-вторых, пользоваться новыми линиями сообщения можно было лишь очень короткие промежутки времени, что исключало возможность проведения серьезных разведок. Ну и в-третьих, спецканалы не могли открыть путешественникам доступ непосредственно на Олимп.

– В общем, делать вам все придется самим, – подвел итог Лориэль, и этим очень обрадовал Рабиновича.

Вот и вышагивал Сеня по греческим просторам, пытаясь придумать, что именно им самим следует сделать. Из прочитанного в детстве Рабинович помнил не так уж и много. Однако не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять простую истину – хоть греческие боги и были явно общительней скандинавских, но вряд ли в их обителях продают входные билеты где-нибудь на склонах Олимпа. Скорее всего, попасть во владения Зевса будет не легче, чем на аудиенцию к Одину. И чтобы отыскать ту единственную проходимую для посторонних дорогу, следовало найти проводника. А где обычно прячутся проводники? Правильно, в людных местах! Которых, кстати, поблизости не наблюдалось.

Сеня трижды проклял чокнутого эльфа, не сумевшего толком сфокусировать точку их входа в этот мир, и стал раздумывать о том, что сделает с маленьким садистом, после того как все благополучно завершится. Мысли о медленном выдергивании пинцетом крыльев или поджаривании пяток эльфа на огне зажигалки начали греть его израненную душу, но помечтать как следует Рабиновичу не дали. Неожиданно Мурзик залился бешеным лаем, и Сеня цыкнул на пса, призывая его к порядку. И тут же сам получил тычок по ребрам от Жомова.

– Ты уснул, что ли? – рявкнул прямо в ухо Рабиновичу Иван. – Что там впереди такое происходит?

Сеня удивленно вскинул голову и посмотрел из-под ладони на противоположный склон. По еле различимой отсюда дороге двигалась вниз какая-то непонятная толпа, поднимая клубы

пыли. Навстречу ей из-за леса выдвигалась такая же орда, и было очевидно, что встретятся они как раз в той точке предгорий, к которой направлялись друзья.

– Что там такое? – снова поинтересовался Жомов, интуитивно примериваясь к дубинке.

– Может быть, баранов гонят? – предположил Попов. – Я где-то читал, что в Греции баранов много разводили.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами Сеня. – Может, и баранов, но это значения не имеет. Главное, что там люди точно есть, а нам другого и не нужно. По крайней мере, узнаем, правильно ли мы идем.

Рабинович поспешил вперед, увлекая за собой друзей. Ему не терпелось поскорее найти какую-нибудь живую душу, чтобы избавиться хоть от малой доли неопределенности и выяснить правильность выбранного направления. Довольно быстро ментам удалось подойти к дороге настолько близко, что можно было довольно четко рассмотреть обе сближающиеся толпы. Однако определить, бараны это или нет, оказалось проблематично. Представители обеих группировок выглядели как люди, но вот гнали их друг на друга как баранов!

По узкой дороге сходились две воинские части, численностью не больше батальона каждая. Экипированы обе были совершенно одинаково – короткие замызганные туники, кожаные жилетки с металлическими полосками на груди, явно изображавшие доспехи, медные шлемы и мечи плюс деревянные щиты, обитые толстой кожей, в руках. Различия между двумя воинскими частями были минимальны и заключались лишь в различной цветовой гамме туник и перьев на гребнях шлемов у офицеров. И те и другие солдаты плелись по дороге, еле передвигая ноги и опустив головы вниз. Отчего, видимо, и не заметили появления на обочине ментов. Жомов смело встал между сближающимися войсками.

– Стой! Раз, два, – скомандовал он.

В первую секунду никакой реакции со стороны местных не последовало, а затем передние ряды, не поднимая голов, начали потихоньку тормозить, упираясь ногами в землю. Задние по инерции врезались в них и продвинули на несколько метров вперед, отчего количество пыли над дорогой удвоилось. На мгновение Попову показалось, что Ваню сейчас сомнут, расплющив между двумя сближающимися армиями, как селедку в маринаде, но Жомову стоило лишь вытянуть руки в стороны, и, наткнувшись на них, обе толпы окончательно потеряли скорость.

– К бою го-о-товсь! – утробным голосом предложил кто-то из задних рядов, и в ответ на это обе армии ответили таким разочарованным мычанием, каким болельщики на стадионе сопровождают упущенный момент для взятия ворот. Сеня с улыбкой наблюдал за этим зрелищем со стороны, предоставив Жомову возможность вволю оторваться.

– Я те дам к бою! – рявкнул тем временем Иван. – Ну-ка иди сюда, умник.

Толпа воинов снова пришла в движение. Задние ряды начали шевелиться, выталкивая кого-то вперед. Незвестный пока Жомову командир почему-то упирался ногами и идти вперед никак не хотел. Однако он был не Жомов, и с явным численным преимуществом своих подчиненных справиться не сумел. Несмотря на упорное сопротивление, военачальника постепенно выталкивали в первые ряды. Если не считать легкого побрякивания амуниции, все это действие происходило в абсолютной тишине и страшно медленном темпе. Ваня уже начал терять терпение и собрался помочь военачальнику предстать перед свои светлые очи, но в этот момент передние ряды, предприняв нечеловеческое усилие, вытолкнули взмыленного предводителя вперед. Тот поправил шлем, съехавший на глаза, и удивленно посмотрел на Жомова, тут же неожиданно подбоченился и, закинув край плаща за плечо, вскинул правую руку вверх.

– Гордые эллины, новое чудо узрите, – нараспев, с пафосом, проговорил он. – Боги Олимпа ментов вам навстречу послали. Знать, не угодно Кронидам сражение это, и отвели они прочь от нас козни Гекаты. Так воспоем же, тиринфцы, мы мудрость Кронидов. Пусть же в веках люди помнят их славное имя...

Первые несколько секунд военачальник декламировал в абсолютной тишине, а затем оба войска взорвались дикими криками и свистом. Передние ряды войск заулюлюкали и начали топтать ногами, а откуда-то из задних рядов в несчастного поэта полетели тухлые яйца и помидоры. А тот, ни на что не обращая внимания, остался гордо стоять между двух огней, так и не опустив правую руку.

– Долой! Заткнись!! Фуфло!!! – раздались крики из толпы. – Опять, Гомер, пургу гонишь? Закрой пасть, пока тебе оба глаза не выкололи, чтобы пергамент не пачкал...

– Молчать! – стукнув кулаком правой руки ладонь левой, заорал Жомов, но его рык никакого эффекта не возымел. Задние ряды посчитали, что это несчастный Гомер пытается возразить, и завопили еще громче. Сеня толкнул локтем Попова.

– Мо-о-о-олчать!!! – во всю мощь собственных легких заорал тот.

Вопль Попова пронесся по толпе порицателей поэзии ураганным ветром. Щиты и мечи повываливались из рук у солдат, шлемы посрывало с голов, а ближайших к Андрюше воинов и вовсе ударной волной повалило в пыль и швырнуло под ноги Гомеру. Тот оскалился и, плотоядно потеряв руки, принялся топтать поверженных врагов подошвами своих сандалий. И, судя по всему, получал от этого такое огромное удовольствие, что даже слюни пустил на подбородок и закатил глаза. Попов от такого зрелища оторопел, перестав орать. И тогда стало слышно Гомера.

– Вот вам, проклятые слуги титанов, – шипел он сквозь зубы. – Как вас сейчас попираю своими ногами, так же и с памятью вашей поступят потомки. Я же прославлюсь пред миром, имя в бессмертье свое пронеся сквозь эпохи!

На свою беду, начинающий пиит стал декламировать вирши в непосредственной близости от Жомова, а Ваня к любителям поэзии никак не относился. Зато он очень плохо относился к тем людям, которые мешают ему проводить занятия по строевой подготовке. Две воинские части шли по дороге отвратительно. Их разрозненный строй настолько коробил эстетические вкусы Жомова, что единственной целью его вмешательства в маневры двух армий было срочное проведение занятий по маршировке. Гомер в эти планы вмешался дважды. Во-первых, когда приказал своему войску идти в атаку. А во-вторых, когда посмел что-то болтать без приказа. Естественно, кара последовала незамедлительно.

Мини-триллер на глазах изумленно-оглушенных эллинов! В главных ролях: Немезида – Ваня Жомов. Ее жертва – пока еще зрячий Гомер. Краткий сценарий фильма: Немезида карает жертву посредством увесистой оплеухи с неперменной дальнейшей потерей жертвой сознания. Зачетное время – 0,78 секунды.

– Кто еще хочет? – грозно поинтересовался Иван, отрывая взгляд от поверженного поэта, на время краткого отдыха решившего присоединиться к своим недавно попорванным жертвам.

Ответа на вопрос Жомова, естественно, не последовало. Отчасти из-за того, что более половины обоих воинств из-за акустических экспериментов Попова его просто не слышала, а отчасти потому, что остальные бойцы могли лично наблюдать в действии жомовский удар. Ваня разочарованно покачал головой.

– А жаль, – вздохнул он и только тогда вспомнил о своих спутниках. – Сеня, ты, кажется, у этих уродов что-то спросить хотел?

– А ты разве уже закончил? – сделав удивленно-наивные глаза, поинтересовался Рабинович.

– Еще нет, – с серьезным видом покачал головой Ваня. – Но могу продолжить позже.

Собственно говоря, к первым встреченным на дороге людям у Сени был один-единственный вопрос: «Как пройти к Олимпу?» Его он и задал, вполне обоснованно ожидая ясного и четкого ответа. Однако, к вящему удивлению Рабиновича, оба войска уставились на него с таким видом, будто он сморозил несусветную глупость. Несколько мгновений потрясенные вояки и

удивленный Сеня рассматривали друг друга с абсолютно одинаковым выражением недоумения на лице, а затем Рабинович повторил свой вопрос.

– Что в этом сложного? – раздраженно поинтересовался он. – Я же у вас не спрашиваю, где найти Зевса. Я просто интересуюсь, как добраться до Олимпа. Гора у вас, в Греции, такая есть.

Солдаты продолжали стоять молча, не сводя с Рабиновича широко открытых глаз. Правда, теперь у некоторых из них к вытаращенным зенкам добавились еще и раззявленные рты. Сеня начал тихо звереть.

– Чего вы уставились на меня, как монгольские кочевники на дредноут? – зарычал он. – Что вам не ясно? Русский язык не понимаете или про Олимп никогда не слышали? А может, просто вы все тугие на оба уха?

– Сеня, давай я врежу кому-нибудь, – Жомов решил помочь другу, но Рабинович лишь махнул на него рукой. Дескать, подожди. Без тебя тошно!

Толпа античных воинов между тем потихоньку начала выходить из оцепенения. Некоторые солдаты стали переминаться с ноги на ногу, другие почему-то принялись поправлять амуницию, третьи и вовсе начали ковыряться в носу древками дротиков, но все без исключения что-то невнятно стали бормотать себе под нос. Рабинович, отчаявшись дожидаться ответа на свой вопрос, окончательно потерял терпение. Он набрал полные легкие воздуха, чтобы заорать на медноголовое стадо баранов, но затем передумал и устало махнул рукой.

– Ладно, Ваня, уговорил, – тяжело вздохнул Рабинович. – Врежь в ухо вон тому, крайнему. Может быть, твоя методика допроса сработает.

Жомов довольно осклабился и, поплевав на ладони, что есть силы влепил подзатыльник ближайшему воину, продолжавшему стоять в позе заблудившейся статуи. Оплеуха получилась удивительно звонкой и мелодичной. Шлем грека зазвенел, будто валдайский колокольчик, но на этом приятные последствия от удара и закончились. Оглушенный солдат удивленно моргнул глазами, почему-то своим невинным взглядом напомнив Попову молодую корову перед подойником, и, не произнеся ни звука, плашмя рухнул носом в дорожную пыль. Андрюша расстроенно покачал головой.

– Вань, по-моему, ты ошибся. Сеня тебе не на того грека показывал, – попытался он подкорректировать прицел Жомова. Омоновец принялся крутить головой, выискивая отмеченную цель, но Рабинович не дал ему возможности пойти на повторный заход.

– Мать вашу в следственный изолятор, – истошно заорал он на сброд в доспехах. – Кто-нибудь понимает вообще, о чем я говорю?

– Кое-кто понимает, – в ответ неожиданно раздался из кучи контуженных тел протяжный голос Гомера, а затем и само будущее чудо античного стихосложения выбралось наверх. – Но скажите мне, во имя Дики, богини правды и правопорядка, ужель не герои вы, полубоги, посланные вестниками храброму воинству тиринфскому?

– Ну, естественно, герои. Кто же мы еще? – с тяжким стоном развел руками Рабинович. – Вон тот амбал трижды Герой Советского Союза. Я Герой России, а толстый корабельный ревун, что стоит рядом со мной, и вовсе Герой Республики Зимбабве, почетный обжора королевства Замбезии и несравненный полубог штативов и пробирок.

– Герои чего? – удивленно поинтересовался Гомер. – Полубоги от кого?

– Ты чего, наехал, что ли? – одновременно с ним обиделся Попов, но Сеня криминалиста не слушал. Схватив за шиворот оторопевшего поэта и командира половины вооруженного медными столовыми ножами сброда, он ткнул его носом в каменный живот Жомова.

– От кутюр! – теперь уже окончательно потеряв самообладание, завопил Рабинович в ответ на вопрос Гомера. – Какие герои, придурок? Какие полубоги? Где ты у нас на кителях ордена увидел и нимбы над макушками нашел?

Поэт ничего не ответил. Может быть, он и хотел что-то сказать, но Сеня столь яростно возил его носом по животу Жомова, что изо рта Гомера ничего, кроме бессвязного бульканья, вырваться просто не могло. Некоторое время Иван с заинтересованным вниманием сверху вниз смотрел на голову поэта, не без помощи Рабиновича выписывающую параболы и гиперболы на животе омовца, а затем резко отодвинулся в сторону. Не ожидавший такой подлости от друга, Сеня едва устоял на ногах. Но вот Гомера из рук все-таки выпустил.

– Может, хватит об меня его сопли вытирать? – недовольно глядя на пылающего праведным гневом Рабиновича, поинтересовался Иван. Сеня только махнул рукой.

– Тьфу на вас на всех, – сплюнул кинолог и, отойдя на обочину, уселся прямо на траву. – Сами с этими уродами разбирайтесь.

– А чего тут разбираться? – удивился Попов, из-под ладони посмотрев на солнце. – Время позднее, пора обедать. Я тут прихватил кое-что из дома, – Андрюша достал из-за пазухи увесистый сверток и с сомнением в глазах осмотрел его. – Но думаю, что этого на всех не хватит. Вань, может быть, потрясешь этих горе-воjak на предмет съестных припасов?

Жомов был бы плохим ментом, если бы не мог вытрясти из попавшегося под руку нарушителя общественного спокойствия что-нибудь полезное для себя. Поэтому просьба Попова не заставила его краснеть и возмущаться. Зычным голосом приказав приготовиться к досмотру, Ваня принялся потрошить содержимое тощих котомок греческих воинов. Эллины, видимо, воспринявшие подобное обращение с собственным имуществом как должное, не выказывали никакого неудовольствия бесцеремонными действиями омовца, и Жомов вскоре вернулся к друзьям, неся в одной из экспроприированных котомок несколько кусков вяленого мяса, пресные лепешки и целую россыпь головок чеснока. Андрюша тут же спрятал свой НЗ обратно за пазуху и вместе с Ваней принялся за поглощение отобранных с боем трофеев. Рабинович недовольно покосился на обоих и, презрительно проворчав что-то нечленораздельное, отвернулся, забрав из рук Жомова лишь небольшой кожаный бурдюк с кисловатым слабеньким вином.

Вид жующих Жомова и Попова вызвал у греческого воинства обильное слюновыделение. Желудки эллинов громко заурчали, настоятельно требуя от своих хозяев присоединиться к трапезе, и оба отряда тут же рассыпались по обочинам дороги. Вскоре на тропе так и не начавшейся войны остались только Гомер и еще какой-то расфуфыренный, как декоративный петух, грек в багровой тунике и с разноцветным плюмажем на позолоченном шлеме. Он стоял посреди дороги, там, где недавно находился второй отряд, и, оперевшись на меч, с закрытыми глазами раскачивался из стороны в сторону, просто чудом умудряясь удерживаться на ногах. Гомер немного растерянно посмотрел по сторонам, а затем подошел к противнику и тронул его за плечо.

– Иксилон, очнись, – проговорил поэт. – Хвала олимпийцам, сражения не будет.

– А? Че? – встрепенулся командир второго отряда и, открыв глаза, с удивлением уставился на стоявшего прямо перед собой Гомера. Несколько секунд Иксилон удивленно хлопал ресницами, а затем истошно завопил:

– Пилосцы, к оружию! Враг окружил вашего командира!

Ваня Жомов, мирно жевавший пищу на травке, явно не ожидал, что в обеденный перерыв кто-то может начать истошно орать. Поперхнувшись непрожеванным куском мяса, он резко обернулся и запустил первым попавшимся под руку булыжником в возмутителей спокойствия. Гомер, уже наученный горьким опытом, рыбкой нырнул в дорожную пыль, а вот Иксилон, проспавший всю самую интересную часть представления, остался стоять неподвижно. За что и поплатился.

Пущенный железной рукой омовца булыжник на околосветовой скорости произвел стыковку с позолоченным бронзовым шлемом грека, огласив округу оглушительным набатным звоном. Несколько мгновений Иксилон стоял неподвижно. Он даже успел удивленно хлопнуть ресницами, прежде чем обрушился на дорогу по соседству с Гомером и, нечленораздельно

хрюкнув, тут же свернулся клубочком и громко захрапел, как новобранец после команды «отбой». Жомов недовольно покосился на Иксилона, раздумывая, не уменьшить ли громкость храпа вторым булыжником, но, решив, что это уже не поможет, только махнул рукой и вернулся к трапезе. А Гомер, поднявшись с пыльной дороги, отряхнулся и подошел к Рабиновичу.

– Скажи, благородный, коль вы не герои, откуда пришли вы на землю Эллады? – нараспев поинтересовался он. – Диковинный облик такой подобает лишь грозным титанам да гордым Кронидам. Ответь же мне, кто вы, во имя Афины!

Несколько секунд Рабинович задумчиво рассматривал поэта, словно решая, что лучше – дать ему сразу в ухо или послать в пригород Магадана, а затем все равно дать в ухо. А Гомер ждал ответа, совершенно не подозревая о том, какую каверзу судьба в лице кинолога готовится ему преподнести. Сенья несколько мгновений смотрел в наивные глазенки поэта, а затем махнул рукой.

– Хрен с тобой. Живи, – великодушно разрешил греку Рабинович. – Только сразу предупреждаю, еще раз начнешь со мной своим «высоким слогом» разговаривать, скорблю псу. Он у меня непривередливый. Сожрет все и не подавится. Понял?

Мурзик укоризненно посмотрел на своего хозяина, всем своим видом выражая недовольство подобной клеветой, а затем фыркнул и, стащив из-под рук у Попова кусок вяленого мяса, отошел в сторону. Дескать, поэтов, хозяин, будешь сам жрать, а меня и баранина вполне устроит. Гомер проследил за псом взглядом и расценил его действия иначе. Поэт посчитал, что уж если странный пес странных путешественников и вяленным мясом не брезгует, то и от грека на закуску отказываться не станет. Горестно вздохнув, Гомер пробормотал себе под нос: «Нет пророка в своем отечестве!» – а затем обиженно посмотрел на Рабиновича.

– И что вы все такие зануды? – поинтересовался он. – Уйду я от вас на развалины Трои. Лишь души героев оценят поэта...

– Опять начинаешь?! – рывкнул на грека Сенья. Тот испуганно покосился на безразличного ко всему происходящему Мурзика и прикусил язык.

– Вот так-то лучше, – усмехнулся кинолог. – Так как нам пройти к Олимпу?

Грек глубоко вздохнул, то ли собираясь ответить наконец на простой вопрос Рабиновича, то ли намереваясь снова о чем-то его спросить, но не успел. Едва Гомер разинул рот, собираясь выдать из себя очередную порцию шедевров античной литературы, как неожиданно для всех окрестности огласил громогласный звук фанфар или их греческих аналогов, удивительно похожий на сигнал воздушной тревоги времен Второй мировой войны.

Гомер подпрыгнул на месте и застыл с открытым ртом. Попов, напротив, от неожиданности так резко сглотнул, что едва не подавился, и пару секунд не мог шевелить челюстями, замерев у дороги, как идеальный натурщик для лепки статуи немого удивления. Сенья вздрогнул и интуитивно схватился за дубинку, Жомов вскочил на ноги и даже Мурзик угрожающе зарычал, повернувшись в сторону гор, с отрогов которых и долетел звук труб Иерихона. А греки, побросав свою скудную трапезу, к тому же ополовиненную жомовско-поповской ордой, суетливо принялись выстраиваться в боевой порядок прямо напротив застывшего на пятой точке Андриюши.

Античные бойцы все до единого принялись расправлять помятые туники и, пытаясь приладить на место непослушную амуницию, натирали ее пропыленными и засаленными котомками, видимо, надеясь этим странным способом заставить ее сверкать на солнце. Причем ни один грек не смотрел на то, что делают его руки, а каждый, раззявив рот, пялился в сторону горной дороги, по которой с невероятной скоростью приближался огромный столб пыли.

Неизвестный локомотив мгновенно домчался до равнины и, скрипя тормозами, резко остановился прямо напротив двух армий, застывших по стойке смирно. Сопровождавшие его почетным эскортом клубы пыли в первую секунду не заметили остановки и проскочили мимо.

Но затем они исправили свою ошибку и вернулись назад, осев не на дороге, а на греках, ментах и Мурзике толстым серым налетом. Видимо, просто из вредности!

Пока доблестные сотрудники милиции откашливались, отплевывались и протирали глаза, пыль окончательно утратила способность к беспилотным перелетам и опустилась вниз, открыв путешественникам довольно-таки странное зрелище. Прямо посреди дороги возвышался небритый и давно не стриженный долговязый панк с маленьким серебряным рожком в руках, обутый в ковбойские сапоги с пришитыми к голенищам крылышками и обряженный в девственно-белый хитон.

Вопреки всякой логике, позолоченные птичьи конечности не свисали вниз, словно нос у тапира, а непрестанно трепетали. Причем правое крыло левого сапога усиленно старалось врезать по левому крылу правой половины обуви. А поскольку глаз оно не имело, то чаще всего попадало то по голому колену панка, то по его икре, а то забиралось и кое-куда повыше, прямо под край хитона. Панку это довольно быстро надоело, и он решил пошире расставить ноги. Отчего мгновенно стал похож на младенца-переростка, у которого «памперсы» уже давно перестали что-либо впитывать. Впрочем, было похоже, что небритого скорохода его собственная поза ничуть не волнует.

– Так, блин, короче, слушай сюда! – заорал он, тыча пальцами в греческих воинов. – То, что сказал вам Арес, позабудьте, мерзавцы. Новые милости шлют вам владыки Олимпа. С этого часа счастливыми стать вам поможет лишь Артемиде. Богиня удачу сулит вам в охоте, и недостатка уж в пище у вас не наступит навеки. Больше не нужно вам драться друг с другом мечами, и поклоняйтесь отныне вы только лишь ей – Артемиде! – панк резко выдохнул. – Поняли меня, уроды? Марш на охоту все!

– Я, блин, не понял, – удивленно посмотрел на застывших друзей непробиваемый Жомов. – Еще один Гомер? А почему так быстро бегают?

– Мне по фи... – просипел в ответ Попов, а затем, прокашлявшись, заорал: – Мне по фигу, как он бегают, но сейчас я ему покажу, что бывает, когда стоваттные колонки вместо наушников используют!

Панк вздрогнул и только тогда обратил внимание на ментов и застывшего рядом с ними Гомера. Пару мгновений он удивленно рассматривал путешественников, видимо, пролистывая в голове персональный каталог национальных костюмов, а затем, недоуменно пожав плечами, поморщился и произнес:

– Артемиде по поводу диких варваров мне ничего не говорила. Но ты, жирная свинья, если еще раз посмеешь так рывкнуть на олимпийца, будешь жрать свеклу в хлеву у Геры. И тебя, бык комолый, – панк кивнул головой в сторону Жомова, – это тоже касается! А пока живите. Меня дела ждут!

И прежде чем оторопевшие друзья успели что-то ответить, небритый скороход протрубил в свой рожок и стартовал с места, постепенно набирая скорость. Та пыль, что осела на ментах, слегка дрогнула, видимо, решая, отправиться ей вдогонку за быстроногим оленем из племени крылатых лосей или остаться на облюбованном месте, а затем выбрала второе. В отличие от Жомова, который с истошным криком «стоять» рванулся вслед обнаглевшему бегуну. Удержать Ваню никто не успел, и ему пришлось пробежать метров двести, прежде чем омоновец понял всю тщетность попытки задержания очередного возмутителя спокойствия. А когда запыхавшийся Жомов вернулся, Гомер с укоризной посмотрел на него.

– Это же Гермес, – проговорил он так, будто для омоновца это имя что-то должно было значить. – Его не догнать даже героям. Он вестник богов и психомп...

– Да мне по фигу, псих он или нет, – прорычал взбешенный Жомов. – Встречу его еще раз, ноги в рот запихаю так, чтобы крылышки на ботинках у него из задницы торчали.

– Ты не понял меня, чужестранец, – со снисходительной улыбкой профессора орнитологии, объясняющего ребенку, от чего плавают утки, проговорил поэт. – Психомп – это значит душеводитель. Гермес провожает тени умерших в царство Аида.

За свою ехидную улыбочку наивно-недалекий Гомер непременно бы схлопотал в нос от и без того разозленного омовца, но свершиться правосудию помешал Рабинович. Толкнув обоих болтунов в плечи, он развернул их лицом к античному воинству, которое вело себя, мягко говоря, очень странно.

– Это что за ерунда? – удивленно выдавил из себя омоновец.

А удивляться, собственно говоря, было чему. Бравое воинство, еще недавно с усилием начищавшее доспехи и оружие, теперь лихорадочно освобождалось от атрибутов воинского ремесла, бросая их где попало. Сверкающие доспехи безжалостно отправлялись в пыль, шлемами пара умников играли в футбол, мечи загонялись по самую рукоять в мягкую землю, а со щитов стали сдирать бронзу и кожу, видимо, чтобы сдать в пункт приема цветных металлов и утильсырья, соответственно. Не подверглись надругательству только дротики, копья и луки, которые усиленно разбирались из общей кучи сошедшим с ума воинством. Причем из-за последних разгорались самые ожесточенные схватки. Немногочисленные лучники античного воинства никак не хотели делиться своими орудиями труда, совершенно неожиданно приобретшими у остальных солдат бешеную популярность.

– Что это с ними? – хмыкнув, поинтересовался Попов, толкнув Гомера в бок. – С ума, что ли, все посходили?

– Дивны обычаи чуждых Элладе народов, – удивленно посмотрев на него, нараспев продекламировал поэт. – В жарком Египте, к примеру, вон, женщины мочатся стоя. Но, чтобы люди словам олимпийских богов не внимали – это, простите меня, ни в какие ворота не лезет!

– Опять?! – с угрозой зарычал на него Рабинович. Гомер поперхнулся. – Язык нормальный забыл или своего лишиться хочешь?

– Нет! – сразу на все три вопроса ответил поэт. – Вы же сами слышали, что сказал Гермес. Прежнее обещание всеобщего счастья и благоденствия победителю в войне, которое посулил Арес, отменяется. Артемида указала более простой путь к процветанию. Теперь не нужно никуда ходить походами и штурмовать города. Чтобы быть счастливым, достаточно просто отправиться на охоту. Вот теперь все эллины и переквалифицируются из воинов в загонщиков дичи...

– Что-то хренота какая-то получается, – недоуменно перебил его Жомов. – Охота – это, конечно, круто, но и в армии, по-моему, классно служить. Я думаю, тут...

О чем думал Ваня и думал ли он вообще, история умалчивает, поскольку именно этот момент выбрал очередной греческий катаклизм для того, чтобы предстать пред ясные очи воинско-охотничьей толпы и путешественников между мирами. Неизвестно откуда на абсолютно ясном небе вдруг появилось небольшое облачко ядовито-зеленоватого оттенка. Под завывания невидимого хора, исполняющего арию бурчащего желудка из оперы о прободной язве, неизвестная газообразная субстанция начала катастрофически быстро увеличиваться в размерах, стремясь опуститься прямо на головы оторопевших людей. Можно подумать, Гермесовой пыли им было недостаточно! Оторопевший Жомов несколько секунд взирал на зеленое облако, а потом, словно очнувшись от сна, дико заорал:

– Взво-о-о-од! Газы!!! – и, не найдя на боку противогаза, сорвал с головы кепку и закрыл ею рот.

Видя, что никто из его друзей даже не пошевелился, радетельный Ваня подскочил к Попову и, стащив с него фуражку, попытался запихать ее в бездонную пасть криминалиста. Не удалось. Кокарда помешала! Но Жомов не растерялся. Легонько стукнув Андрюшу по затылку, омовец уговорил его упасть мордой вниз, прямо в котомки со съестными припасами. Согласись, для Попова это был куда более приятный наполнитель рта, чем форменная фуражка.

Следующей жертвой Жомова стал Рабинович. С ним Ваня уже не слишком церемонился. Видимо, не решившись на новый эксперимент с фуражкой, Жомов в одно мгновение сорвал с себя китель и, накинув его на голову ничего не подозревавшего Сени, затянул рукава вокруг горла кинолога. Удовлетворившись результатом своих заботливых действий, Ваня обернулся по сторонам, выискивая новую жертву. В опускающемся на землю мутно-зеленоватом тумане в поле его зрения оказались только Гомер и Мурзик.

Жомов – настоящий друг. Решив, что грек в состоянии заткнуть себе пасть самостоятельно, омовец бросился оказывать первую помощь псу. Вот только Мурзик почему-то не захотел попасть в лапы садиста, перекрывавшего доступ кислорода всем живым существам, попадавшим к нему под руку. Удивленно посмотрев на Жомова, пес мотнул головой, словно стряхивая с шерсти воду, и припустил в глубь равнины, подальше от дороги и озверевшего омовца, соответственно. Несколько секунд Ваня гнался за кобелем, а затем, резко остановившись, швырнул на землю кепку, которой затыкал до сего момента рот, и истошно заорал:

– Да остановись ты, глупая псина! Подохнешь ведь, как собака. Это же иприт!

Глава 3

Сами знаете, что я – пес не из пугливых. Могу и на бандита с ножом броситься, могу один и толпу фанатов ЦСКА разогнать, а могу и с рогатиной на медведя пойти, если, конечно, эту рогатину в руках такой же медведь, например, как Ваня Жомов, держит, но уж как напугал меня в этот раз наш brave омовец, вы и представить себе не можете!

Да вы сами посудите. Сижу я спокойно на травке, обиду на Сеню вынашиваю за то, что он мне грека пытался скормить, а тут сначала пылью обсыпали, как штангиста тальком, затем с неба зеленое облако со странным запахом каких-то сгоревших трав на землю оседать стало, а тут еще и огромный омовец взбесился. Честное слово, думал, у него куда-то крыша поехала. На разборки с солнцевскими, например! Пасть себе кепкой заткнул, Попова в нокаут отправил, Рабиновича моего душить принялся, а затем и за меня решил взяться. Думаю, все! Припомнил мне друг Ванюша, как я его в отделе отвлекал, чтобы Попову водки больше досталось.

Сами знаете, что люди во многом на собак похожи. Вот, например, в стрессовых ситуациях один человек теряется и плачет, а другой, наоборот, кому-нибудь настроение испортить норовит. У нас, у псов, все точно так же. Вот только водку мы не пьем! Если бы я был не породистый кобель немецкой овчарки, а какой-нибудь там щенок дворовой шавки, то, наверное, когда Ваня на меня помчался с бешеными глазами и растопыренными в разные стороны медвежьими лапами (в смысле, лапы были жомовские, только они у него здоровые, как у медведя!), хвост бы поджал и заскулил. А так мне Ваню покусать захотелось. Ну, вы сами понимаете, что кусать убогого – грех великий, вот я и решил сбежать от этого греха подальше.

Бегу, оглядываюсь. Мне бы о чем-нибудь вечном на прощанье, пока меня это взбесившийся танк не затоптал, подумать.

Но вдруг Жомов про иприт заорал, и я от неожиданности так резко затормозил, что едва через голову не перекувыркнулся. Диагноз сразу поставил – военно-патриотический невроз! Даже психиатра не потребовалось. Да вы и сами посудите, откуда в Элладе иприт? Конечно, в Греции, говорят, все есть, но не до такой же степени! Вот я и решил вернуться, чтобы Ваню в чувство привести и напомнить, в каком мы мире находимся. А этот здоровый лось и рад моему маневру. Свалился на меня сверху, к земле придавил, и морду мою норовит себе под брюхо засунуть. А что, я давно не нюхал, как форма омовская пахнет? Вот и пришлось его слегка укусить. Ваня подскочил вверх, а тут и мой Рабинович на помощь подоспел.

– Ты что, баран безрогий, совсем офонарел? – завопил он, хватая Жомова за грудки. – Мало тебе на людей кидаться, так еще и кобеля решил мне покалечить? Тебя какая муха укусила?

– Так ведь иприт же, – растерянно залопотал Ваня, кивая головой в сторону медленно рассеивающегося зеленого облака.

– Ну да. Иприт. А я – акын казахский, – кивнув головой, согласился мой Сеня и вдруг рявкнул: – Какой иприт, идиот ты славянский? Откуда в Древней Греции иприт? Да единственные отравляющие вещества массового поражения, которые тут могут оказаться, это поповские выхлопные газы!

– Вот только не нужно, Сеня, все на меня валить. От вас от самих воняет порядочно, – огрызнулся на Рабиновича Андрюша, сумевший, наконец, выбраться из кучи местной снеди, а затем посмотрел на Жомова. – Ванечка, родной! За такие ласки я когда-нибудь ночьюогрею тебя медным тазом по башке, чтобы ты на своей шкуре испытал, какой кайф люди от твоих подзатыльников получают...

А вот это вряд ли! То есть вряд ли Андрюша когда-нибудь Жомова по башке тазом стукнет из-за мягкости собственного характера. А вот с первой частью фразы я с ним был абсолютно согласен. В данный момент от всех троих друзей пахло совершенно одинаково: дорож-

ной пылью, жжеными травами, потом, вяленным мясом и чесноком. В общем, ароматец еще тот. Как только люди его не чувствуют?

Я фыркнул и отвернулся от моих излишне ароматизированных друзей в сторону. Чтобы дышалось полегче. А затем посмотрел на дорогу, надеясь понять, что там все-таки происходит. Ванин «иприт» постепенно рассеивался, и моим глазам предстали греческие аборигены, растерянно застывшие в самых разнообразных позах. И уж поверьте, у эллинов такая забавная финальная сцена античного «Ревизора» получилась, что я не сразу и заметил одинокую хрупкую фигурку, возникшую прямо посреди дороги. А уж когда увидел ее, то не таявкнуть от удивления, как щенок спаниеля перед драной кошкой, честное слово, не мог. Трое моих спутников тут же обернулись на лай и, мгновенно оборвав споры, застыли, подобно эллинам. Правда, греки просто находились в состоянии недоумения, а мои менты от удивления и вовсе рты пораззявили.

Впрочем, удивляться было от чего. На пыльной дороге, посреди медленно оседающих клубов зеленоватого облака стояла девчонка, лет десяти на вид. Точно такая же, какие у нас в любом парке через скакалки сотнями прыгают. Вот только нарядец у нее был неопиcуемый. Мало того что волосы девчушки были покрашены во все цвета радуги и стояли дыбом, как у заправской вокалистки панк-группы из Задрыгино, так еще и одет был ребенок так, словно родители ее с детства страдали дальтонизмом, обостренным полной слепотой.

Хитон на девочке был наполовину синего, наполовину красного цвета, подпоясанный широким зеленым ремешком. Сандалия на одной ноге отливала оранжевым, на другой – голубым цветом. Причем нога в голубом башмаке к тому же еще и обтягивалась желтым гольфом, а левая щеголяла в фиолетовом. И это разноцветное маленькое чудо стояло посреди дороги, напряженно ковыряясь пальцем в носу. Уж не знаю, что девочка оттуда выковыривала, но длилось это действие необычайно долго. Так долго, что у меня даже возникло невольное желание помочь ей руку подальше протолкнуть. Но именно в этот момент девочка закончила экзекуцию над собственным носом и, чихнув, неожиданно густым басом произнесла:

– Хелло, пиплы! Опять по Артемиде загоняетесь? И не в лом вам по прериям таскаться? – несколько секунд она молчала, то ли вспоминая оставшуюся часть речи, то ли дожидаясь ответа, а затем закончила все-таки фразу: – В общем, так, Дионис велел передать, что истина в вине. Поэтому бухайте на здоровье. А уж счастье само к вам придет. Усекли? Тогда я пошла.

И девочка, мгновенно окутавшись клубами зеленого дыма, тут же вознеслась в небеса, не оставив и следа своего присутствия. Впрочем, вру! След от ее присутствия все-таки остался, причем довольно существенный. И представлял собой несколько кожаных бурдюков размером с живот Андрияши Попова. Греки, издав дикий вопль, представляющий собой смесь возгласов «аллилуйя» и «гип-гип-ура!» с воплем мамонта, которому наступили на хвост, кинулись к этим бурдюкам. А Ваня Жомов немного растерянно поинтересовался:

– Что это чучело насчет бухалова сказало?

– Это Ирида, богиня радуги, – тут же пояснил взявшийся невесть откуда Гомер. – Весть принесла эта дева с вершины Олимпа. Сам Дионис ее к праведным грекам отправил... – поэт запнулся, поймав на себе исполненный неземной ласки взгляд Рабиновича, и коротко закончил: – В общем, сказала Ирида, что указ богини охоты отменяется. Теперь для того, чтобы быть счастливыми, достаточно просто напиться вина.

– Что-то вас, греков, хрен разберешь! – удивленно фыркнул Жомов. – На фига одно от другого отделять. По-моему, если сначала повоевать, потом поохотиться и после всего этого круто напиться, самый кайф и поймаешь. А вы тут себе какое-то разделение труда устроили. – Ваня посмотрел на Рабиновича: – Ну что, Сеня, пойдем к гулянке присоединимся?!

– Ща-ас! Даже и не заикайся, – зашипел на него мой хозяин, как кот на бультерьера. – Хмель шумит, так ум молчит. Да Ивану все равно: Ваня ум пропил давно! – А затем повер-

нулся к поэту: – Дорогой мой Гомер, или ты сейчас мне расскажешь, что у вас тут за кавардак происходит, или я тебе твои бесстыжие буркалы выколю!

– Ну вот, и вы туда же, – горестно вздохнул поэт, но угрозу принял всерьез и начал тут же давать показания.

Не буду пересказывать вам дословно историю, поведенную Гомером. Во-первых, говорил он не слишком понятно не только для нормального среднестатистического человека, но даже для такого образованного пса, как я. Этот греческий болтун так часто приправлял свою речь поэтическими вкраплениями, что Рабинович замучился на него орать, а я – зевать от скуки. А во-вторых (что следует из всего вышесказанного), дословно запомнить его речь было абсолютно невозможно. Разве что записывать. А поскольку писать моими лапами несколько неудобно, то уж извините, передам суть.

После исчезновения Зевса Арес решил спрятать его трон, но тут в дело вмешались Гера и примкнувший к ней Гефест. Они вдвоем наехали на Диониса, чтобы тот опоил бога войны, но оказалось, что Дионис уже заключил пакт с Посейдоном, и они пригрозили Гере потопом, а Гефесту пообещали подпилить рукоятку у его молота. Тут в дело вмешалась Дика и заявила...

Запутались? Вот и мы с ментами тоже ничего понять не могли. Ну, меня-то оправдать за отсутствие знания греческой мифологии можно. Я читать по титрам на экране телевизора научился и книги никогда в лапы не брал... Хотя вру! Однажды, по малолетству, решил книжку одну почитать. То ли «Пограничный пес Алый» называлась, то ли «Ко мне, Мухтар!», не помню. Да и неважно это сейчас. Важно то, что книжку я с полки достал и попытался ее лапами перелистывать. Пока переплет открывал, еще терпимо было. А вот как до страниц дело дошло, так тут вообще беда началась: лапами сразу несколько листов перекидываю, а попробовал языком листать, тут страницы у меня и вовсе слиплись.

Я тогда молодой, горячий был. Вот с расстройства и покусал слегка эту книжку. А Сеня решил, что его любимый пес вандализмом начал заниматься и шедевры литературы для потомства отказывается беречь. Естественно, моих объяснений хозяин не понял и сурово меня наказал: купил мозговую кость, заставил меня целый час ее сторожить, а потом взял, садист, и соседскому пуделю ее отдал! Представляете, как мне обидно было?! Вот и вам хочу сказать, граждане читатели, если у вас любимый пес слегка покусал какую-нибудь книгу, то знайте, это не от ненависти к литературе, а от любви к чтению. Поэтому или продайте все книги из дома, или хоть изредка на ночь своей собаке детективы, что ли, почитывайте! Но я снова отвлекся. Извините, больше не повторится.

В общем, Гомер начал перечислять, какие беспорядки случились на Олимпе, а мои менты его расспросами засыпали о том, кто такая Гера, да почему она именно с Гефестом объединилась, да какого хрена во все это дело Дика вмешалась. Она-то вообще откуда вылезла? Поэт удивленно на них покосился. Дескать, вы не с луны свалились? Но выяснять этого не стал. Первый раз проявил благоразумие. Глубоко вздохнув, Гомер принялся рассказывать о том, как Крон родил Зевса, Зевс родил Ареса, Арес родил... Короче говоря, выложил ментам всю родословную олимпийских богов вплоть до ...надцатого колена. И вышло у него это так увлекательно, что примерно к середине повествования все мои трое друзей задремали, да и я начал позевывать. А первым пришел в себя Жомов.

– Ты охренел, что ли? – замотав головой, поинтересовался он у Гомера. – Бдительность российской милиции усыпить своими баснями вздумал? Не выйдет! А ну-ка, докладывай по существу.

Тут Гомер и офигел. Ну, представьте сами, человек из кожи вон лезет, чтобы подробно всю суть олимпийской проблемы изложить, а его в предумышленной даче ложных показаний обвиняют. От неожиданности поэт решил, что повел свое повествование не с самого начала и принялся объяснять нам о том, откуда и сам Крон появился. Вот тут уже и я его готов был

покусать, хотя и считаю греков крайне непригодным для втыкания зубов объектом. Хорошо, что хоть мой Сеня вмешался и, стукнув поэта по затылку, перевел разговор в нужное русло.

Гомер пояснил, хотя и совершенно не понимал, почему мы этого не знаем, что верховным владыкой этого мира, творцом всех его законов и высшим судьей (что-то вроде нашего президента, Думы и Верховного суда, вместе взятых) является Зевс. Он здесь работает абсолютным правителем, ему подчиняются все, и без его ведома даже кошка мяукнуть не смеет. Так вот, эта «надежда и опора» всего того мира, в который мы попали, однажды утром просто взяла и исчезла из своей кровати, прямо из-под бока у своей жены, престарелой ворчуньи Геры.

Супруга поначалу не волновалась (мало ли какие государственные дела у верховного бога могут быть?!), а затем, когда Зевс не появился и через неделю, устроила всем олимпийским богам, и в первую очередь Афродите, настоящую истерику. Дескать, муж шляется где-то по смертным любовницам, вы его покрываете, а потом Геракл всякие появляются! Подать, говорит, его сюда немедленно. Я у этого ловеласа пару-другую приличных седых клоков из бороды повывергиваю.

Боги поначалу бросились искать своего пропавшего босса, а потом совместно решили на это дело плюнуть. Да и действительно, зачем старого начальника возвращать, когда можно слегка подсуетиться и его место занять? Ну, хотя бы на срок до ближайшего конца света! Лично Гомер считал, что тут приложила руку Геката, богиня тайных заговоров, но я что-то в этом не уверен. В конце концов, не может же быть греческая богиня такой же стервой, как наша с Рабиновичем соседка, которая потеряет аппетит, если за день хотя бы кота с собакой не поссорит.

Короче, античные боги принялись объединяться во всевозможные коалиции, которые распадались и вновь образовывались по три раза на дню. Бардак на Олимпе начался страшный. А поскольку тутошные люди так устроены, что во всем подражают своим богам, то и они принялись друг с другом непрестанно скандалить.

Это безобразие решила прекратить Дика, богиня правды и правопорядка, здешний аналог прокуратуры, как я понимаю. Объединившись с Афиной, они собрали весь состав олимпийских небожителей и объявили, что дальше разводить анархию нельзя. Иначе можно до того докатиться, что даже люди на богов плевать начнут. А это, как вы сами понимаете, совершенно неприемлемо. Уж не знаю, могли ли прожить тут люди без богов, но вот богам без людей – никуда. Поскольку забытые небожители уже не боги, а так – предмет для сочинения анекдотов.

Жители Олимпа подумали и с этим согласились, естественно, поинтересовавшись, как им умудриться и выбрать из своих рядов временно исполняющего обязанности пре... то есть верховного бога. Дика с Афиной переглянулись и сказали, что выбрать должны люди, а не боги. Демократия, дескать, в Элладе, а не монархия какая-нибудь. Так вот, кому простые смертные станут больше поклоняться, тот и станет и.о.в.б.

Вот тут и началось все самое интересное. Каждый бог попытался донести до сознания народа все преимущества своего будущего правления. Посейдон рекламировал рыбную ловлю и парусный спорт, Афродита читала с трибуны «Камасутру» в греческом варианте, Асклепий взялся за пропаганду здорового образа жизни, ну а рекламные кампании некоторых остальных богов вы и сами уже видели.

Уж не знаю, на что Афина с Дикой рассчитывали, но мудрецов и прокуроров в античной Греции оказалось на удивление мало. Поэтому рейтинги богинь-инициаторов демократических выборов стремительно полетели вниз, и даже преимущество использования средств массовой информации в лице вестников богов Гермеса и Ириды, полученное на общем собрании олимпийцев (не путать с членами нашей многострадальной спортивной сборной!), им не помогло. Греки почему-то предпочитали пьянствовать, охотиться и заниматься сексом, вместо того чтобы философствовать, наводить порядок в собственных домах и созерцать шедевры искусства. Вот такие они несознательные... В отличие от нас, жителей России!

В общем, в Элладу полным ходом шла предвыборная борьба, свидетелями которой мы и стали. На данный момент ни один из богов решающего преимущества получить не мог, хотя каждый из них ежедневно и вывешивал на стенах храмов свои собственные рейтинг-листы с фантастическими цифрами напротив собственных имен.

– Может быть, все в конце концов и закончилось бы хорошо, но нацменьшинства стали поднимать головы, – с тяжелым вздохом закончил Гомер свой рассказ и, поймав на себе удивленно-негодующий взгляд моего Сени (тоже мне, нацменьшинство!), замахал руками. – Нет, вы не подумайте, я не расист какой-нибудь, но у нас в Элладу в последнее время прижилось очень много египтян, финикийцев, вавилонян и персов. Они, видите ли, требуют допустить к выборам их собственных богов. Ну а вы подумайте, что это такое будет, если у нас, в Греции, верховным божеством станет, например, какой-нибудь Озирис?

– Зажрались вы тут, – недовольно буркнул Рабинович и поднялся на ноги. – Ладно, болтовни на сегодня уже достаточно. Вы, греки, можете развлекаться как вам угодно, а нас дела ждут. Показывай, Гомер, как к ближайшему городу пройти.

Действительно, засиделись мы что-то на месте. Пока Гомер рассказывал историю Олимпа, а мы слушали, солнце не только успело перевалить зенит, но и темпами породистого скакуна стало приближаться к вершинам гор. Тени удлиннились, а вместе с ними удлиннились и языки у греческого воинства. Естественно, не из-за солнца, садившегося за горизонт, а от непомерного количества выпитого вина, подкинутого им Иридой. Бравые эллины, довольно молчаливые еще в обед, теперь болтали без умолку и распевали свои аборигенские песни. Жомов с завистью посмотрел на них.

– Нечего пялиться. Пока не сориентируемся на местности, ни капли в рот не возьмем, – поймав его взгляд, отрезал Рабинович. – Понял?

– Садист ты, Сеня, – буркнул Ваня и, сглотнув слюну, отвернулся.

Я, глядя на заходящее солнце, наверное, излишне задумался о бренности бытия и попусту потраченном времени, иначе сразу заметил бы новые изменения в пейзаже. Впрочем, винить мне себя не в чем. Я, как истый сын урбанистической цивилизации, не привык замечать легкую дрожь почвы, особенно после нескольких лет проживания около железнодорожной ветки. Поэтому и не сразу обратил внимание на топот целого стада мамонтов, приближавшихся к нам со стороны леса. А вот Попов их заметил. Тем более что у него на этих «мамонтов» особый нюх.

– Твою мать... И здесь эти твари, да еще целыми стадами, – сплюнув, в сердцах проговорил он.

Мы обернулись на его голос. Я, как и очень многие современные псы, с раннего детства страдаю близорукостью. Очки, понятное дело, нам никто не прописывает, вот и принял поначалу приближающееся к нам стадо за обычный лошадиный табун. Однако я ошибся. Надвигающаяся на нас конская лавина лошадьми оказалась только в нижней части. Верхняя же половина у них была абсолютно человеческой. Она размахивала руками с зажатými в них флажками и транспарантами и вдобавок еще и громогласно скандировала: «Внесите Крона в список кандидатов! Внесите Крона в список кандидатов!» Я удивленно уставился на живых кентавров, раздумывая, как отреагировать на их появление, а вот Попову, кажется, было абсолютно все ясно.

– Нет, я еще могу стерпеть, если лошади – это лошади. Но когда эти мерзкие твари под людей косить начинают, пусть пеняют на себя, – проскрипел он зубами и истошно заорал: – Пошли на хрен отсюда, мутанты парнокопытные!

Первым делом во все стороны из рук кентавров разлетелись транспаранты. Затем попала с копыт ближайшая к нам линия демонстрантов, а следом, после секундного колебания, решил прилечь и второй ряд. В общем, поначалу получилось точно так же, как в стихах у какого-то поэта: «Смешались в кучу кони-люди, и залпы тысячи орудий затмил поповский вой!» Впрочем, в кучу смешались только первые два ряда. Остальная часть кентавров на ногах удержалась, но, видимо, сразу сообразив, с кем имеют дело, бросилась наутек. Андрюша хотел

рявкнуть еще разок им вдогонку, но затем передумал, видимо, полностью удовлетворившись полученным результатом. Его милосердный поступок позволил подняться на ноги сбитым на землю кентаврам, и они с криками: «Атас, менты санкционированный митинг разгоняют!» тут же умчались вслед за своими собратьями. Попов удовлетворенно вздохнул.

– Вот так-то лучше, – ухмыльнулся он и отскочил в сторону, поскольку Гомер совершенно неожиданно для всех нас бухнулся перед ним на колени.

– Божественный голос. Божественный голос! – завопил он. – Ох, как многое я мог бы с таким голосом сделать. Читал бы свои стихи в акрополе, и ни одна тварь не смогла бы заставить меня заткнуться. Тогда бы я стал величайшим в истории поэтом, – грек охватил руками колени криминалиста. – Прошу тебя, не гони. Обучи навыкам вокала. Что хочешь для тебя сделаю!

– Дорогу в ближайший город покажешь? – поинтересовался Попов и, когда Гомер в ответ закивал головой так, что любой китайский болванчик бы позавидовал, великодушно хлопнул его по плечу. – Тогда вставай. Пойдешь с нами.

– О боже, нам только еще одной иерихонской трубы не хватало, – мой Рабинович возвел очи к небу. – Смотри, Андрюша, берем его с собой только под твою личную ответственность!

Жомов как-то с сомнением посмотрел на вновь организованный кружок ораторского искусства и, фыркнув, пожал плечами. Дескать, развлекайтесь, детки. А моего мнения, естественно, никто не спрашивал. Мог бы я им рассказать, какие последствия может повлечь за собой такой поступок, да не стал. Все равно не прислушаются. Тем более что уже было решено тронуться в путь, и счастливый Гомер возглавил нашу процессию. Я, как обычно, хотел оспорить у него это право, но, увидев, как он вприпрыжку скачет впереди, постоянно оглядываясь на Андрюшу влюбленными глазами, фыркнул и пошел рядом с Рабиновичем. Ну, ей-богу, стыдно на такое убожество смотреть. Словно дворняга приبلудная себя ведет. Нет у этого грека ни породы, ни экстерьера!

До ближайшего к месту нашей высадки и первой встречи с аборигенами городка на Пелопоннесе под названием Тиринф путь оказался не слишком близким. Нам пришлось преодолеть невысокое взгорье и подняться почти к отрогам гор, прежде чем показались его стены. На дорогу ушло часа три или четыре, сказать точнее было трудно, поскольку часы у всех трех человекообразных моих спутников шли то в обратную сторону, а то и вовсе работали вместо компаса.

За весь путь до Тиринфа развлечений на мою голову не выпало почти никаких. Может быть, моих спутников и забавляли непрекращающиеся стенания Попова по поводу пешеходных прогулок или ужимки Гомера в стиле шелудивого щенка, но мне, если честно, от этого было только тошно. Тем более что Сеня даже не давал мне мелкую живность погонять, постоянно окриком подзывая к себе. Положение несколько улучшилось, когда наш греческий экскурсовод начал рассказывать о местной геополитической ситуации и об особенностях предстоящего путешествия на Олимп.

Не знаю, может быть, вы уже слышали, что в нашем мире античная Греция была разбита на множество независимых городов-государств. Так вот, в этой вселенной все было точно так же. Неугомонные эллины постоянно искали на свое посадочное место приключений. А не находя их, попросту шли стенка на стенку целыми деревнями. Тиринфцы не переваривали пилосцев. Те, в свою очередь, при случае били морду спартанцам, а последние с огромным удовольствием гоняли дубьем афинян. И так без конца!

Может быть, и нам пришлось бы поразвлечься, пробираясь к Олимпу, но сейчас в Элладе шла предвыборная кампания и грекам попросту было не до войны. Нет, воевать они, конечно, пытались, когда Арес рассыпал милости и щедрые обещания, но тут же вмешивался другой бог, и о войне эллины забывали. Впрочем, что я вам об этом рассказываю! Вы и так уже все видели.

В общем, Гомер обещал нам, что до Олимпа мы можем добраться без особых приключений, чем ужасно опечалил Жомова. А затем и Рабиновича озадачил, рассказав, какие про-

блемы возникли с самим Олимпом. Как вы помните, к самой горе прогуляться мог кто угодно, но вот попасть на ее вершину, где обитали боги, мог далеко не каждый. С исчезновением Зевса ситуация и вовсе усложнилась. Теперь, если верить словам Гомера, даже путь к горе люди найти не могут. И если кто-то и может попасть в это смутное время на Олимп, то только боги или герои, то бишь метисы богов и обычных людей.

– Так в чем проблема? – тут же хмыкнул Жомов. – Поймаем какого-нибудь бога и заставим его нас до места довести...

– Молчи лучше, ловец удачи. Вон ты у нас уже поймал одного, – отмахнулся от него мой Сеня, явно намекая на встречу с Гермесом. – Сейчас не будем над этим голову ломать. Переночуем, а утром поразмыслим, как решить проблему.

Ваня сердито покосился на моего хозяина, недовольный его напоминанием о собственном поражении, но возразить на слова Сени Жомову было нечего. Омоновец упрек проглотил, но замолчал и до самого Тиринфа не произнес ни слова.

Городишко хоть и выглядел довольно убого, но оказался довольно чистым. Улицы Тиринфа жители выложили тщательно пригнанными друг к другу каменными плитами. Большинство домов были одноэтажными, но попадались двух- и даже трехэтажные чудеса античной архитектуры, причем многие оказались украшены всякими там колоннами и статуэтками. Конечно, это был не наш родной город, но, по сравнению с убожеством скандинавов, в Тиринфе мы столкнулись просто с чудом цивилизации.

Несмотря на сгущавшиеся сумерки, городские ворота в Тиринфе оставались открытыми. Прислонившись к их створкам, клевали носами два полупьяных стражника. Жомов принялся к аромату, раздававшемуся на два километра в стороны от перепившейся охраны, и, судорожно сглотнув слюну, жалобно посмотрел на Рабиновича. Сеня придал лицу выражение жертвы медузы Горгоны, сделав вид, что не замечает молящих взглядов друга. Ваня безнадежно махнул рукой, и мне, честное слово, стало его жаль. Так бы и выхватил из рук у стражника бурдюк с вином и сунул его потихоньку несчастному омоновцу!

– Вы-ы к-куда это, ик, из го-орода п-поперлись на ночь глядя... й-я?! – встрепенулся один из стражников при нашем приближении.

– В тундру за клюквой! – рявкнул на него Жомов. Охранник поперхнулся.

– Ну-у, тогда в-ворота за собой з-закрывайте, – скомандовал он на свою голову.

Ваня Жомов, которого Сенина борьба с алкоголем уже начала доводить до белого каления, после распоряжения стражника попросту взбесился. Подойдя к этому дворецкому городского масштаба, омоновец бесцеремонно взял его за шиворот и зашвырнул в ближайшую канаву, оказавшуюся крепостным рвом. Затем отпихнул второго ногой, освобождая створки ворот, и с силой захлопнул их за собой.

– Еще распоряжения будут? – рявкнул он, глядя в закрытые створки. Ответа, естественно, не последовало, и Ваня, саданув ногой попавшийся на дороге шлем, продолжил свой путь к ближайшему постоялому двору.

– Совсем озверел мужик без выпивки, – горестно вздохнул сердобольный Андрюша. – Сеня, ты кончай в свое общество трезвости играть. Дождешься, он тебе тут полгорода разнесет и международный скандал вдобавок устроит.

– Потерпит, – буркнул мой Рабинович и ускорил шаг. – Давайте, пошевеливайтесь, а то мы до гостиницы и к утру не доберемся.

Но тут мой хозяин откровенно преувеличивал. От городских ворот до лучшей, по словам Гомера, гостиницы в Тиринфе мы шли не более пяти минут. Ну, максимум шесть! Заведение было двухэтажным, построенным без колонн и прочих архитектурных излишеств. Называлось оно «Приют скитальца», а над вывеской с названием была намалевана кривобокая кровать, на которой почему-то лежала овца.

– Интересно, а почему это у них на кровати скотина какая-то спит? – рассмотрев рисунок, удивленно поинтересовался Попов.

– А потому, что тут, наверное, только такие бараны, как мы, спать могут, – сердито буркнул мой Сеня и добавил: – Тебе-то, Андрюша, не все ли равно, что на вывеске нарисовано? Один хрен брюхо набьешь и хоть в хлеву ночевать сможешь.

– Сам свинья, – огрызнулся Попов и вслед за Гомером вошел в дверь.

Я переступал порог осторожно, памятуя о том, какую почетную встречу в подобных заведениях во время наших предыдущих путешествий мне устраивали блохи. Я уже приготовился к неравной схватке с полчищами этих кровожадных бандитов, но меня ожидало приятное удивление: внутри гостиницы было сухо, чисто и светло. Солома, видимо, на протяжении многих веков служила в трактирах ковровым покрытием, но тут хоть, по крайней мере, она была свежей и чистой. Более того, я даже заметил девушку, которая только тем и занималась, что выносила испачканную солому во двор и устилала пол свежей. Ну, на самом деле цивилизованный мир!

В «Приюте скитальца» было довольно оживленно. Народ сидел, стоял, лежал повсюду и, к величайшему раздражению Жомова, находился в различной степени алкогольного опьянения. Представляя себе, каково сейчас приходится Ивану, я постарался держаться от него подальше, чтобы, не дай бог, не попасть под свалившееся в результате его силового воздействия на пол чье-то тело. Мы уже почти добрались до единственного свободного столика, как вдруг случилось непоправимое. Один из пьяных греков оторвал голову от амфоры с вином и толкнул Жомова в бок.

– Эй, чужестранец, не выпьешь со мной во славу Диониса? – добродушно поинтересовался он.

– Чего? – резко остановился омоновец. – Почему это я за твоего Дениса пить должен? Да кто он вообще такой? А? Я тебя, урод, спрашиваю!

– Ты не понял, – опешил грек.

– Кого ты послал? – сделал вид, что тоже не понял, Жомов и зарядил эллину кулачищем в ухо.

Грек, не долго думая, нырнул под стол и, растянувшись на соломе, прикинулся шлангом. Его сосед по столику то ли решил вступить за друга, а скорее всего, попросту собрался сбежать подальше, но Ваню это, естественно, не устраивало. Поймав улепетывающего эллина за шею, омоновец ласково провел его личиком по столу и затем запустил в сторону выхода. Расправившись с двумя туземцами, Ванюша отнюдь не собирался успокаиваться и обернулся вокруг своей оси в поисках новой жертвы, но Сеня успел его остановить.

– Достал ты уже меня, Жомов, – прошипел он, поймав его за рукав. – Хрен с тобой. Заказывай выпивку. Но не больше одного литра! – А затем Рабинович обвел взглядом притихших посетителей: – Граждане греки, приносим прощение за небольшое беспокойство. Предъявлять дальнейшие претензии не советую, поскольку после этого каждый из вас может совершить беспосадочный перелет за дверь. Отдыхайте! – И, ухмыляясь, пошел к своему столику.

В этот раз я располагался на полу без опаски. Блохами тут, судя по всему, и не пахло, котами тоже. Ни кобелей, ни волков я не встретил, так что конкуренции за право обладания падающими под стол мозговыми костями можно было не опасаться. В общем, ждал меня вкусный, комфортный и спокойный ужин... Только, наверное, где-то в другом месте ждал!

Не успел Попов заказать всем чего-нибудь вкусенького, как я услышал приближающиеся к нам легкие женские шаги, а затем прямо перед мордой увидел ноги существа соответствующего пола. Тщательно обнюхав их и вновь, в очередной раз, так и не сумев определить, что же в ногах человеческих самок привлекает кобелей соответствующей породы, я отвернулся, изо всех сил надеясь, что к нашему столику подошла официантка за заказом, но и в этот раз

ошибся. То, что подошло к нам, было несравненно хуже официантки – это была разгневанная женщина. Самое опасное существо из всех, мне известных.

– Извините, чужестранцы, что прерываю ваш ужин, но вы поступили несправедливо, – звенящим голосом произнесла она.

Я высунул морду из-под стола, чтобы разглядеть остальные части тела говорившей особы. Ничего примечательного! Две гипертрофированные молочные железы, как и у всех человеческих самок, такая же тощая талия, как у недокормленной гончей, присущая многим молодым женщинам, и те же абсолютно безволосые задние конечности. В общем, все, как у остальных особей женского пола, я даже на лицо не стал смотреть! Однако мой Рабинович пялился на нее, разинув рот, как сенбернар на миску с кашей. По-моему, он даже не сразу понял, что именно дамочка говорит. А она тем временем продолжила:

– Я не знаю, может быть, в вашей стране другие обычаи, но в Элладе не принято бить по лицу человека, предлагающего тебе угощение...

– Милашка, мы же извинились, – с широкой улыбкой на губах перебил ее Рабинович.

– Этого недостаточно! – отрезала девица. – Я требую, чтобы вы прилюдно покаялись в совершенном проступке и спросили у пострадавших, что именно они хотят в компенсацию за причиненный вами ущерб.

А вот это она зря! При слове «компенсация» с лица Рабиновича улыбку как ветром сдуло. Девушка мгновенно перестала ему нравиться, и Сеня тут же потребовал от нее объяснений по поводу того, кто она такая и почему суется не в свое дело. Та в ответ разразилась гневной тирадой, суть которой сводилась к тому, что не обязательно быть матерью и женой, для того чтобы вступиться за обиженного человека. Я решил закрыть уши лапами, догадываясь, каким может быть ответ Рабиновича, но тут в дело вмешался Попов.

– Сеня, лучше сделай то, что она просит, – тоскливым голосом попросил он. – Похоже, она из тех баб, которые всю плешь проедят, пока их желание не исполнишь. Уж я-то знаю, у меня мама такая же.

– То-то я и вижу, что у тебя лысина на башке раньше времени появилась, – огрызнулся Рабинович, но из-за стола встал и поднял с пола поверженного Жомовым грека.

– Ты что-нибудь хочешь в компенсацию за то, что тебя ударили по лицу? – прошипел он прямо в лицо перепуганного эллина. Тот отрицательно покачал головой, и удовлетворенный Сеня швырнул его обратно на пол, а затем повернулся к девице. – Вот видишь, гражданин совершенно счастлив! Ты довольна?

– Нет, – отрезала та, но, резко развернувшись, все же пошла к лестнице на второй этаж. – Видимо, за справедливостью нужно идти только к Зевсу!

– Скатертью дорога, – буркнул ей вслед Рабинович и, вернувшись к столу, посмотрел на Гомера. – Кто это вообще такая?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Но точно не местная. В Тиринфе женщины не такие беспокойные.

– Ну хоть это радует, – фыркнул мой Рабинович и тут же застонал: – О боже!

Я выглянул из-под стола, чтобы рассмотреть, что моего хозяина так расстроило, и увидел Ваню Жомова, тащившего по направлению к нам огромную амфору с вином, емкостью никак не меньше ведра. Это минимум! Со счастливой улыбкой на лице Ваня осторожно прислонил глиняный сосуд к столу и, сев на свое место, скромно потупил глазки.

– Сеня, только не ругайся, – проговорил он. – Оказывается, в этой дыре совершенно не знают, что такое литр. Я попросил у хозяина показать те емкости, которые есть на складе, чтобы на примере объяснить то, что мне нужно, и, представляешь, у него там не оказалось мельче посуды. Честное слово, я выбрал самый маленький графинчик!

Рабинович посмотрел на омовца как на безнадёжного идиота, а потом со вздохом махнул рукой. Дескать, хрен с тобой, разливай. И я с вами за компанию выпью, чтобы нервы успокоить. А то, можно подумать, до появления девицы он пить не собирался! Мне осталось только вздохнуть и надеяться на то, что в этот раз мой хозяин напьётся до такого состояния, что не найдет в себе сил донимать меня всю ночь душеспасительными разговорами...

Глава 4

Ох уж это похмелье! И голова болит с утра, и во рту, как в пустыне в засушливый год, да и в желудке будто дракон с острова Комодо поселился: урчит, гад, неувоенный алкоголь требует обратно выпустить. Вдвоем им, видите ли, неуютно, а человеку хоть помирай. Организм в целом к тому же буянит, воды требует. Хоть к пожарному шлангу присасывайся и канистру целиком в себя закачивай. В общем, тихий ужас. И ведь каждый догадывается, к каким последствиям может привести беспшабашная гулянка, а все равно каждый раз надеется на лучшее...

Рабинович тихо застонал и открыл глаза, надеясь этим нехитрым физическим упражнением отогнать позднее раскаяние, а заодно и испугать похмельный синдром. Синдром не испугался. Напротив, он начал злорадно свирепствовать и вызвал головокружение в помощь остальным симптомам. Будто их наличия Рабиновичу было недостаточно. Сеня снова застонал, но глаза все-таки открыл и жалобно посмотрел на пса, лежавшего возле кровати.

– Мурзик, ты бы воду с утра приучился к кровати приносить, что ли, – горестно вздохнул Рабинович. Пес моргнул и равнодушно отвернулся.

– Уж лучше бы у меня вместо тебя жена была, – упрекнул Мурзика Сеня, и в этот момент к нему в комнату постучали.

– Дверь хотя бы открой, псина бессердечная, раз воду не хочешь нести, – взмолился Рабинович, но верный пес и в этот раз остался глух к стенаниям хозяина. Пришлось кинологу напрячься и простонать из последних сил: – Входите, открыто.

Эта фраза получилась такой печальной, что Рабиновичу стало самого себя жалко и захотелось погладить себя по голове. Погруженный в свои страдания, Сеня даже не сразу сообразил, что в комнату к нему вошла молоденькая симпатичная девушка, принесшая в руках две изящные амфоры. С трудом перекачивая в голове тяжелые мысли, Рабинович попытался решить, что лучше: потерять реноме ловеласа или остаться в живых. В итоге, как ни странно, выбрал последнее, поэтому и остался лежать, страдальчески глядя в потолок.

– Мы в шутку называем это «подарком Диониса», – улыбнулась девушка, безошибочно угадав состояние кинолога. – Но, судя по тому, сколько вы вчера выпили с друзьями, веселый бог на самом деле наградил вас необычным даром. Иначе бы вы все уже были во владениях Аида.

– Передай Дионису, пусть он своим подарком подавится, – простонал Рабинович и покоился на кувшины. – Что это такое?

– В одном сосуде вино, а другой – с ключевой водою, – снова улыбнулась девушка. – Ты сам вчера, чужестранец, просил принести их тебе.

– Гляди-ка, какой я предусмотрительный, – искренне поразился Сеня и посмотрел на девушку. – Спасибо, красавица. Можешь идти. Чаевые дам, когда поправлюсь.

Девушка в третий раз улыбнулась и, чуть кивнув головой, грациозно вышла из комнаты. Рабинович, впрочем, ее грациозности не заметил. Он напряженно вглядывался в амфоры, пытаясь решить, достаточно эффективным лекарством от похмелья окажется вода или придется прибегнуть к более сильнодействующему средству. В итоге народная мудрость – «от чего заболел, тем и лечись» – пересилила здравый смысл, и Сеня потянулся к амфоре с вином. Пес предостерегающе тявкнул.

– Мурзик, не возникай. Я выпью только лишь два глотка, – отмахнулся от него Рабинович и, приложившись к амфоре, осушил ее наполовину.

Облегченно вздохнув, Сеня прислонился к стене, чувствуя, как организм прекращает забастовку и начинает усиленно работать, обреченно принимаясь за расщепление алкоголя. Несколько секунд Рабинович прислушивался к себе, готовясь в случае малейшего проявления лени со стороны желудка, печени, почек и прочих органов подстегнуть их новой дозой гре-

ческого виноградного вина, но все системы работали нормально, и Сеня расслабился, просто наслаждаясь исчезновением похмелья. И к тому моменту, когда сверкающий довольной улыбкой Жомов заглянул к нему в комнату, Рабинович мог даже стоять на ногах.

– Ну, мы вчера дали жару, – довольно потер руки Ваня. – Кстати, ты это здорово, Сеня, придумал, чтобы нам в комнаты опохмелиться принесли!

– Убить вас обоих мало, – беззлобно выругался кинолог. – И тебя, и эту свиноматку Попова. Кстати, где он?

– Как где? – удивился Жомов. – Опохмелился, а теперь на кухне себе брюхо мясом набивает. Я тоже там уже побывал. Мне этого мизерного графинчика с вином не хватило. Пришлось добавки попросить...

– Охренел, что ли?! – тут же взвился Рабинович. – У нас дел неувпроворот, а этот бездонный бурдюк себя винищем залить решил. Честное слово, Ваня, устрою тебе до конца путешествия трезвый образ жизни.

– Да ладно рычать-то, – обиделся омоновец. – Я же не ведро сегодня выпил.

– Попробовал бы только, – пригрозил Сеня и подтолкнул Жомова к двери. – Пошли завтракать, а затем подумаем, как нам до Олимпа добраться, – и посмотрел на неподвижного пса: – Мурзик, тебе особое приглашение требуется?

Внизу, в обеденном зале, Попов с Гомером уплетали подогретые остатки вчерашнего ужина. Причем поэт в скорости поглощения пищи ни в чем не уступал своему новому наставнику, видимо, решив, что обучение азам вокала следует начать с полного подражания образу жизни учителя. Ох, как бы ему такими темпами заворот кишок не заработать! Сеня опустился с ними рядом и, посмотрев по сторонам, только сейчас заметил, что, несмотря на довольно поздний час, ни в трактире, ни на улицах Тиринфа не видно ни одной живой души. Не считая, конечно, хозяина «Приюта скитальцев».

– А что случилось? Где народ? – удивленно поинтересовался Рабинович.

– Так это Морфей вчера вечером всех обдурил, – белозубо улыбнулся владелец трактира, грек по имени Анхиос. – Прислал психомпа с обещаниями доставить всем наслаждение во сне. Эллины купились и теперь дрыхнут без задних ног, а вестник богов с утра никого найти не может.

– А вы почему тогда не спите? – заинтересованно спросил Сеня.

– Мы под покровительством Гермеса, бога торговли, находимся, – серьезно ответил трактирщик. – Нам с другими богами якшаться не положено, да, собственно, и не имеет значения, кто именно Зевса заменит. Торговлю ему все равно не отменить. Так что и Гермес, и мы любому верховному божеству понадобится... Вы заказывать что-нибудь будете?

Рабинович, посмотрев на заваленный мясом, фруктами и лепешками стол, решил, что такое количество пищи даже трем Поповым не под силу съесть, а поэтому от заказа воздержался. Жомов было попытался потребовать вина к столу, но под испепеляющим взглядом кинолога осекся, и Анхиос, не дождавшись заказа, пожав плечами, ушел на кухню. Путешественники остались в зале одни.

– Ну так что мы дальше делать будем? – поинтересовался Сеня, лениво закидывая в рот сочные виноградины. – Какие-нибудь умные предложения есть?

– Выпить бы надо, чтобы башка варила, – тут же отреагировал Жомов.

– Я сказал «умные», – отрезал Рабинович, и омоновец, пожав плечами, принялся с горя жевать баранью ногу, кидая здоровенные куски под стол Мурзику. Попов и вовсе тактично промолчал, уставившись в потолок. Видимо, считал, что так солиднее выглядит. Сеню это не убедило.

– Понятно. Из умных здесь остались только я и Мурзик, – вздохнул Рабинович и посмотрел под стол. – Псина, что посоветуешь?

Мурзик что-то невнятно рыкнул в ответ, дескать, сам разбирайся, и Сеня остался в одиночестве. Театрально вздохнув, Рабинович принялся истязать расспросами Гомера. Тот строить из себя дурака не посмел, напротив, считая, что должен убедить новых товарищей в своей незаменимости, заново начал пересказывать вчерашние байки о городах-государствах, богах, героях, пропавшем Зевсе и исчезнувшем пути на Олимп. Пару минут Сеня терпеливо это сносил, а затем ехидно поинтересовался:

– Ну а конкретно что ты можешь предложить?

Грек тут же замер, удивленно посмотрев на кинолога. И снова никто не мог понять, то ли смысл вопроса ускользнул от поэта, то ли он просто просчитывает в уме варианты ответов, стараясь подобрать единственно верный. Все трое ментов терпеливо ждали, а когда Жомов уже начал выходить из себя и приготовился подзатыльником помочь шестеренкам Гомера вертеться быстрее, поэт улыбнулся во весь рот.

– Есть на вопрос твой один лишь ответ, Рабинович, – нараспев проговорил он. – Нужно к богам олимпийским воззвать и, набравшись терпения... ждать, что ответят они и какие потребуют жертвы...

– Опя-а-ать?! – Сенин вопль, оборвавший декламацию нового шедевра Гомера, получился таким истошным, что перепуганный трактирщик выскочил из кухни посмотреть на происходящее. А увидев перекошенную физиономию Рабиновича, тут же испуганно заскочил обратно. Поэт заткнулся и, втянув голову в плечи, испуганно пролопотал:

– То есть я хотел сказать, что нужно в каком-нибудь храме попросить одного из богов помочь нам добраться к Олимпу. Может быть, кто-нибудь из олимпийцев во время предвыборной кампании снизойдет до наших просьб и укажет дорогу.

– Это я понял, мог бы и не повторять, – буркнул Рабинович. – Только нам ждать некогда. Еще какие-нибудь мысли есть?

– Можно какого-нибудь героя поискать, – торопливо предложил Гомер.

– И где они водятся? – ехидно поинтересовался кинолог. – По лесам, как лоси, бегают?

– Почему? – искренне удивился поэт. – Героев можно найти рядом с логовами каких-нибудь чудищ или в местах ведения крупномасштабных боевых действий.

Сеню, однако, и этот ответ не удовлетворил. Он попытался выяснить, в каких именно местах Греции обитают чудовища, или идет война, но и тут Гомер ничего вразумительного не смог ответить. С его слов получалось, что на время предвыборной кампании богов ни о каких серьезных сражениях, вроде взятия Трои, и речи быть не может, а монстры в Элладе долго не живут. Стоит одному из них появиться на свет, как тут же примчится какой-нибудь герой и отрубит несчастному уродцу башку.

Вот и получалось, что единственным выходом для путешественников было сидеть и ждать. Либо окончания выборов у олимпийцев, либо известия о появлении какого-нибудь нового монстра. А уж тогда нестись в указанный квадрат бешеным темпом, надеясь перехватить героя раньше, чем тот разделается с монстром и умотает куда-нибудь на каникулы. Ни тот ни другой вариант действий ментов не устраивал, а свое предложение о том, чтобы дать объявление «ищу героя» в местную газету Жомов и сам не закончил высказывать, поскольку еще до конца фразы сумел понять, что сморозил очевидную глупость.

Под меланхоличное пережевывание Поповым несметных запасов пищи, Сеня продолжил экзекуцию над Гомером. Пару раз у него даже мелькнула мысль о том, не применить ли на самом деле дыбу, для того чтобы у грека быстрее голова заработала, но затем Сеня все-таки решил, что подобные гестаповские методы неприемлемы для российского милиционера. Непривычно! Да и где в Древней Греции дыбу найдешь?

– Ну, все! – развел руками Гомер после получасового терзания вопросами. – Раз ничего из сказанного вас не устраивает, осталось только обратиться за советом к оракулу.

– Еще какую-нибудь дурость скажи, – устало посоветовал Рабинович. – Знаем мы этих ваших оракулов. Сидит внутри статуи какой-нибудь зажавшийся жрец и людям головы дурит, утверждая, что они с богами разговаривают.

– А вот тут ты, Сеня, не прав, – впервые встрял в разговор Андрюша. – Скажи, еще не так давно ты в параллельные миры верил? Или в то, что эльфы на самом деле существуют? А мог себе представить, что мифы о скандинавских и греческих богах не выдумкой окажутся?.. Вот то-то и оно! Мы в другом мире, Сеня. Здесь все не так. Так почему бы и оракулам не быть на самом деле посредниками между богами и людьми?

И впервые мудрый Рабинович не нашел, что возразить на утверждение Попова. Ему оставалось только развести руками, соглашаясь с умозаключениями криминалиста, и торжествующий Андрюша тут же был вознагражден дружеским шлепком Жомова, от которого вся проглоченная пища едва не выскочила обратно на стол.

На том и порешили. Нужно было найти какого-нибудь оракула, и Гомер посоветовал обратиться к дельфийскому предсказателю, дескать, и надежнее, и по пути к Олимпу находится. Возражений на это предложение не последовало, и менты принялись собираться в дорогу. Собственно говоря, сборов никаких и не было. Просто перед дорогой Попов набил несколько котомок всевозможной снедью. Сеня, как обычно, взял на себя обязанность по расчету с хозяином гостиницы, а Ваня, пока Рабинович не видел, упер со склада Анхиоса пару объемистых бурдюков с вином. После этого приготовления были закончены, и трое друзей в сопровождении верного пса и довольного Гомера отправились в неблизкий путь.

От Тиринфа до Дельф пройти предстояло действительно довольно большое расстояние. Поначалу, как объяснил Гомер, следовало обогнуть тот горный хребет, у подножия которого располагались сейчас путешественники. Затем предстояло пройти через Фермопилы, и лишь после этого открывалась прямая дорога на Дельфы. Пешком преодолеть такое расстояние было бы накладно, да никто этого делать и не собирался. Даже Попов, узнав, сколько нужно будет идти, безропотно согласился взять лошадей, в душе еще раз обозвав Лориэля самыми нехорошими словами из своего милицейского лексикона, в котором термин «преступник» находился где-то в середине списка уменьшительно-ласкательных выражений.

Гомер заявил, что лучшие в округе лошади находятся в конюшнях местного крупного конезаводчика, у реки, на окраине Тиринфа. Вот туда предстояло идти пешком, поскольку летать без помощи огромных орлов менты еще не научились, а местный таксопарк оказался закрыт ввиду повальной спячки всего персонала. Андрюша, как ни старался, больше двух третей набранных котомок распахать друзьям не смог и всю дорогу плелся в хвосте процессии, беспрестанно стеля и жалуясь на черствость своих спутников.

В итоге, уставший слушать его стоны, Сеня пригрозил взвалить на криминалиста весь груз целиком, что вынудило Андрюшу заткнуться и молчать до тех самых пор, пока из окна конюшен, мимо которых проходили путешественники, не выпорхнул огромный комок лошадиного навоза и не спикировал Попову прямо на темечко. Андрюша на секунду оторопел, а Жомов с Рабиновичем, увидев обтекающего криминалиста, дико захохотали.

– Нет, вы что? Офигели совсем? – взвился Попов. – В вашего друга дерьмом швыряются, а вы ржете, как два придурочных мустанга!

– Ничего, тебе полезно, – сквозь смех смог выдавить из себя кинолог. – Глядишь, от удобрения волосики на темечке расти лучше станут.

– Да пошли вы оба!.. – окончательно взбесился Андрей и, заорав в окно конюшни: «Убью гада!» – бросился в обход строения в поисках двери.

Даваясь смехом, остальные путешественники, включая Мурзика и Гомера, бросились следом за ним, чтобы посмотреть на редкое зрелище буйствующего Попова. А обычно медлительный Андрюша вдруг перекрыл все собственные рекорды по бегу, и догнать его друзья смогли только уже внутри огромной конюшни. Видимо, последний вопль Попова, направленный в

окошко, попал в цель, поскольку какой-то худой, долговязый парень, мотая головой, как после хорошего удара, пытался выбраться из кучи навоза. Андрюша, злобно оскалившись, бросился добивать его, но не успел. Взбесившегося Попова остановил вопль Гомера.

– Остановитесь, чужестранцы, – истошно заорал поэт, бежавший позади всех. – Вы искали героя, так вот он, перед вами! Это же Геракл. Вы что, не узнаете?

Менты удивленно остановились, и даже Мурзик затормозил всеми четырьмя лапами, оставив глубокие борозды в навозе, толстым слоем устилавшем пол. Пес брезгливо фыркнул и бросился прочь из загаженного помещения, а его спутники остались, рассматривая долговязого парнишку. Овеянный легендами мифический герой наконец сумел выбраться из кучи навоза. Геракл почти не уступал ростом Жомову, но был таким худым, что даже вблизи больше всего напоминал друзьям лыжную палку. Он уже довольно твердо стоял на ногах, но взгляд парнишки еще не обрел осмысленного выражения. Видимо, во время вопля Попова он слишком близко подошел к окну и получил порцию децибелов прямо в незащищенное ухо. А такой звуковой удар и слона контузить может!

– Это и есть Геракл? – удивленно поинтересовался Жомов, подходя поближе к греческому акселерату и брезгливо ощупывая его мускулы. – Пургу ты гонишь, Гомер! Что-то он дохловат для супергероя. Да к тому же если он – Геракл, то что ему в пустых и загаженных конюшнях делать?

– Навоз чистить, – неожиданно плаксивым голосом проговорил парень, наконец придя в себя. – А вот вам что тут понадобилось? По какому такому праву на героев орете?

– А ты, урод, чего навозом кидаешься? – Попов наконец-то вспомнил, зачем бежал в конюшню. – По ушам давно не получал?

– Цыц все! – рявкнул Рабинович, прекращая скандал, готовый разгореться с новой силой.

Спорщики замолчали, и Сеня вышел вперед, слегка отодвинув криминалиста в сторону. На несколько секунд он замер, удивленно рассматривая Геракла. Парень, конечно, не тянул на того героя, которого менты привыкли видеть в учебниках по древней истории и во всевозможных американских фильмах, но ведь он был совсем молод. Глядишь, еще успеет мышечную массу набрать. Да и не нужна была путешественникам его сила. Главное, чтобы Геракл дорогу на Олимп показал.

– Так зачем ты навоз чистить подрядился? – как можно мягче поинтересовался Рабинович. – Заняться больше нечем? Может быть, на Олимп с нами прогуляешься?

– Можно и на Олимп, но сначала я должен совершить двенадцать подвигов, которые потребовал от меня здешний царь Эврисфей. Это один из них, – Геракл шмыгнул носом и кивнул головой в сторону навозной кучи. – Велено мне вычистить Авгиевы конюшни. И пока я это задание не выполню, никуда не пойду...

– А зачем тебе вообще понадобились эти подвиги? – удивленно поинтересовался Сеня.

– Не скажу зачем, – плаксиво проговорил сын Зевса. – Смертным знать не положено. В сказках прочитаете.

– Я те дам прочитаете, – рявкнул начавший терять терпение Ваня и сунул под нос Гераклу свой огромный кулак. – Сейчас врежу разочек по едовищу, вмиг научишься со старшими разговаривать...

– Тихо, Ваня, – остановил его Рабинович. – Врезать ты ему всегда успеешь, дай я сначала с парнем по душам поговорю.

Геракл оказался человеком не слишком разговорчивым. На все вопросы Рабиновича о том, зачем он золотарем подвизался и не хочет от такой грязной работы отмазаться, сын Зевса отвечал односложно, словно в армии: «Положено – не положено!» После недолгой и незадушевной беседы Сене стало абсолютно ясно, что ни за какие коврижки Геракл не сдвинется с места до тех пор, пока не вычистит эти проклятые конюшни. И на Олимп их не поведет, пока

царь Эврисфей не даст ему краткосрочный отпуск. Вот такие печальные дела. Нашли героя, а он путешественников на Олимп вести не хочет!

– Слушай, Сеня, что с ним валандаться, – Жомов махнул рукой. – Спеленаем, как младенца, доставим до места, а там пусть попробует отказаться проводником быть. Я ему вмиг покажу, где у мамки титька!

– Нет, Ваня, тут по-человечески нужно, а то он нас заведет куда-нибудь, как Сусанин поляков, – покачал головой кинолог. – Может быть, поможем ему эти конюшни вычистить?

– Да ты офигел совсем? – возмущенно, как бык после укола, взревел Попов. – Тут навоза хватит, чтобы целиком поля двух колхозов удобрить. Без бульдозера мы эти лошадиные останки до седых волос отсюда вытаскивать будем, да и к тому времени вряд ли управимся!

– Так на то у нас и голова есть, чтобы придумать, как процесс механизировать! – перебил криминалиста Рабинович.

– Не положено, – встрял в их дискуссию упрямый Геракл. – Я один должен конюшни вычистить. Таково условие договора.

– Вот видишь, – развел руками Попов.

– Да заткнитесь вы оба! – теперь и Сеня потерял терпение. – Ты, Геракл, швыряй свой навоз молча, а мы пока пойдем на свежий воздух и постараемся придумать какой-нибудь выход. Всем все ясно?

Жомов молча пожал плечами, дескать, как скажешь, начальник. Попов недовольно пробурчал себе под нос все, что думает об упрямстве сынов израилевых вообще и Сени Рабиновича в частности, Геракл меланхолично принялся швырять навоз в окно, а мнения Гомера и вовсе никто не спрашивал. Сеня же обвел строгим взглядом своих спутников и, только выйдя на воздух, вдохнул полной грудью. Удалившись от Авгиевых конюшен метров на сто, Рабинович сел на прибрежный валун и задумался. Гомер несколько секунд смотрел на него сквозь пальцы, сложенные рамочкой, а затем горестно вздохнул.

– Эх, жалко я не Роден и скульптуры лепить не умею, а то такая бы хорошая статуя мыслителя получилась, – пробормотал он себе под нос. – Но ничего, при встрече я расскажу этому ваятелю, какие именно типажи следует выбирать для своих творений.

– Что ты там бурчишь? – недовольно посмотрел на него Сеня. – Если есть какие-нибудь предложения, говори вслух. Никто тебя не укусит. Пока не скажешь, по крайней мере.

После этих слов Гомер вздрогнул и испуганно посмотрел по сторонам, выискивая взглядом Мурзика. Пса нигде поблизости не было видно, и поэт, облегченно вздохнув, покачал головой и спрятался за спину Попова. А Мурзик тут же напомнил о своем существовании громким лаем. Забравшись на вершину прибрежной одинокой скалы, пес накрыл всех присутствующих собачьим матом, давая понять, какого он мнения об их умственных способностях. Сеня прикрикнул на пса, а Жомов как-то странно посмотрел в его сторону и задумался. Андрюша, у которого лай Мурзика, по-видимому, немного активизировал умственную деятельность, почесал затылок.

– Насколько мне помнится, – проговорил он. – Геракл запрудил реку...

– Вот этот доходяга? Без бульдозера? – Рабинович презрительно фыркнул и махнул рукой. – Да он и струю лошадиную запрудить не сможет.

– А что, это мысль, – хлопнул себя по бедру Жомов.

– Струю лошадиную запрудить? – язвительно поинтересовался Сеня. – Нобелевскую премию тебе, Ванечка, за такие мысли присудят.

– Дурак ты, Рабинович, – обиделся на него омоновец и рассказал о своем плане. Сеня как-то растерянно и удивленно посмотрел на него и, чтобы уж окончательно не ударить в грязь лицом, принялся вносить в план коррективы. В общем, молниеносно прибрал руководство проектом в свои загибающие руки.

План Жомова был прост, как и все гениальное. Выказавший недюжинную смекалку омовец предложил свалить в реку ту самую скалу, с которой их облаял Мурзик, используя для осуществления этого действия необычные свойства милицейских дубинок, обретенные ими в параллельных мирах. Естественно, колотить «демократизаторами» по камням никто не соби-
рался. Ваня предложил, вбивая в подножие скалы резиновыми дубинками металлические кли-
нья, проделать в камне трещину, а затем просто свалить скалу вниз, перегородив ею реку.

Первым делом решили отправить в Тиринф Гомера за клиньями, однако тут же возникла проблема. Едва Рабинович отдал поэту распоряжение, как выяснилось, что далекий от строи-
тельных работ грек совершенно не понимает, что именно от него требуется. После пятиминут-
ных утомительных разъяснений, сопровождаемых созданием эскизов нового камнедробиль-
ного аппарата на песке, Сеня махнул рукой и потребовал от Гомера вместо клиньев притащить
к скале бронзовые мечи. Грек радостно кивнул головой и, пришпоривая себя ивовым пру-
том, помчался к городским казармам. Проводив его взглядом, Рабинович позвал соратников
за собой, чтобы наметить вдоль подножия скалы точки для импровизированных клиньев.

– Конечно, следовало бы Андрюшу порох заставить изготовить... – развел руками Раби-
нович.

– Ага! А тротильчику тебе под хвост не накласть? – язвительно перебил его криминалист,
но Сеня, не обратив на его слова никакого внимания, закончил фразу:

– ...Но красна птица перьем, человек ученьем, а попу с его умом быть в супу окороком.

– Сам дурак, – обиженно буркнул Андрей и, не найдя, что еще сказать, отвернулся к
скале, сделав вид, что тщательно изучает место для будущего расположения клиньев.

Несмотря на многочисленные споры и нещадные препирательства, к тому моменту, когда
Гомер вернулся назад с охапкой бронзовых мечей в руках, план прохождения трещины троим
друзьям наметить все-таки удалось. Больше всех кипятился Жомов, доказывая, что его спут-
ники ничего не смыслят в подрывном деле, но каждый из ментов утверждал то же самое. Даже
Мурзик подключился к работе, безапелляционно поставив на скале свою собачью метку. Попов
тут же обозвал пса свиньей, но Сеня вступился за своего подопечного, заявив, что даже Мурзик
лучше криминалиста разбирается в точках максимального напряжения породы, и настоял на
том, чтобы один из клиньев вбили именно на месте собачьей метки. Жомов покрутил пальцем
у виска, однако спорить с чокнутым кинологом не стал. Себе дороже выйдет!

А затем сдался и Попов, предоставив Рабиновичу право самому определить места распо-
ложения клиньев. Андрюша в итоге даже предложил Сене самому эти треклятые клинья вби-
вать, на что Рабинович ответил, что для этого у них имеется омовец. Дескать, Жомову не
привыкать дубинкой размахивать, значит, ему и карты в руки! Возражений со стороны Ивана
не последовало, и Рабинович, приказав Гомеру свалить мечи возле скалы, предусмотрительно
отошел в сторону и отвел с собой пса, дабы случайно не оказаться погребенным под обвалом.

Жомов поплевал на ладони и, скомандовав: «Поберегись», отцепил от пояса дубинку.
Первые удары по бронзовым мечам он наносил очень тихо и аккуратно, лишь закрепляя их
в намеченных точках, а затем разошелся не на шутку. После его могучих ударов импровизи-
рованные клинья входили в скалу, словно нож в масло, своим узором образуя довольно вну-
шительного вида ломаную линию. Гомер, поначалу скептически наблюдавший за действиями
чужестранцев, после каждого удара Жомова менялся в лице и вскоре попросту окаменел с
открытым от удивления ртом.

– Видимо, силой титанов чудные менты обладают, коли под силу свернуть им ударами
гору, – наконец смог выдавить из себя поэт. – Зевс Олимпиец, тебе не играть лучше в прятки
с ментами, ибо, устав от исканий, ломают тебе, на фиг, челюсть!

– Заткнешься, может быть? – вкрадчиво поинтересовался у него Рабинович.

– Ага, – тут же согласился Гомер и судорожно сглотнул слюну. – Как скажешь, начальник!

А Жомов тем временем продолжал методичными ударами вгонять бронзовые мечи в скалу, расширяя и расширяя трещину у ее основания. Парочка импровизированных клиньев согнулись пополам после его ударов, но остальные свое дело сделали, и вскоре скала держалась на краю обрыва лишь на честном слове. Самодовольно ухмыльнувшись, Ваня прицепил дубинку обратно на пояс и демонстративно, двумя пальцами, столкнул огромный осколок в реку.

Скала с грохотом упала вниз, полностью перегородив неглубокий, но очень быстрый поток. Река сразу озверела от такого посягательства пришельцев на собственный суверенитет и попыталась вытолкнуть скалу обратно, да силенок не хватило. Все-таки это была всего лишь заурядная греческая речка, а не доблестный российский омовец. Поэтому ей не оставалось ничего другого, как попытаться удрать через новое русло, пока старое окончательно не завалили камнями бесцеремонные россияне. И под громкое улюлюканье путешественников вода с бешеной скоростью устремилась прямо по направлению к Авгиевым конюшням.

– Мать моя женщина! – неожиданно завопил Рабинович, схватившись за голову. – Мы ведь Геракла не предупредили. Смоет на хрен идиота!

Трое ментов тут же бросились в сторону конюшен, выкрикивая на бегу имя настырного полубога. Впрочем, это было абсолютно бесполезно. Во-первых, потому что за диким ревом воды, отыскивающей себе новое русло, их вопли были практически не слышны. А во-вторых, река намного раньше их добралась до конюшен и, даже если бы Геракл мог их услышать, выбраться из бурного потока он никак не успевал.

Первым до дверей загаженного жилища лошадей добрался Ваня Жомов и, не раздумывая, бросился в ледяную воду. Мощным напором его едва не смыло, и омовцу пришлось уцепиться за косяк. Попов с Рабиновичем в реку прыгнуть не рискнули, да и незачем было. И так даже с берега было прекрасно видно, что в конюшнях нет не только Геракла, но и задней стены.

– Все, утопили парня, – обреченно выдохнул Андрей и опустил на пятую точку прямо в лужу. – Что мы теперь его папаше скажем?

– Что застыли, тормоза? – заорал на них Жомов, выбираясь из воды. – Бегом марш вниз по течению. Может быть, придурка этого где-нибудь на берегу еще выловим.

Сеня первым сорвался с места и помчался вперед, вдоль бурлящего потока воды. Метрах в двухстах ниже конюшни река вновь возвращалась в старое русло. Рабинович напряженно вглядывался в бурлящие волны, стараясь рассмотреть среди их пенных гребней кучерявую голову Геракла. Поначалу нигде не было даже следа тонущего героя, но за небольшим поворотом русла, где река образовывала довольно широкую и относительно спокойную заводь, кинолог увидел Геракла. Причем не одного! Беспомощного полубога вытаскивал из воды служебный пес Мурзик, схватившись зубами за хитон героя.

– Молодец, Мурзик. Держи его! – радостно завопил Рабинович и, бросив кепку на прибрежный песок, бросился в воду на помощь смелому псу. Через пару минут Геракл был уже на берегу и подвергался нещадным издевательствам в виде искусственного дыхания со стороны Попова. Исторгнув из легких воду, Геракл сел на песок и, удивленно посмотрев по сторонам, поинтересовался:

– Ну и кто кран на полную отвинтил? Теперь что? Мне еще и засорившуюся канализацию чистить?

– Ничего, почистишь. Главное, что живой, – ухмыльнулся в ответ Иван и так ласково хлопнул сына Зевса по спине, что тот зарылся носом в песок, оставив за собой довольно внушительную борозду.

– Тише ты, монстр, – рявкнул на него Сеня. – Я парня из воды не для того вытаскивал, чтобы ты его тут же, на берегу, как муху прихлопнул.

Минут через пять, когда менты вылили воду из ботинок, отжали кители, а Жомов даже умудрился успеть почистить пистолет, вся процессия, возглавляемая гордым Мурзиком, которого растрогавшийся Рабинович обещал наградить медалью за спасение утопающих (из картона, что ли, вырежет?!), отправилась назад, к конюшням. Геракл с тяжелым вздохом осмотрел свое рабочее место, не только лишившееся стены, но теперь еще и гордо украшавшее собой середину реки, меланхолично поинтересовался:

– Ну и как тут теперь лошадей держать?

– Слушай, чувак, а ты не оборзел? – возмутился Жомов. – Базар был только о том, чтобы конюшню почистить, а вот насчет лошадей разговору не было. Мы за тебя работу сделали, так что теперь докладывай своему начальству и пойдешь с нами на Олимп.

– Действительно, – согласился с ним Рабинович. – Веди-ка нас к этому Эврисфею, а уж остальное мы сами разруем.

– Да мне все равно, – пожал плечами Геракл. – Отпустит царь – пойду и на Олимп. Мне без разницы, где именно подвиги совершать.

– Подвиги? – удивился Ваня.

– Ну да. Подвиги, – так же меланхолично пояснил сын Зевса. – Помогать страждущим, утешать несчастных, бороться с приспешниками моей злой мачехи Геры. Можно и кентавров перебить, если Дионис вина подбросит.

– Вы поглядите только на него. Он не только псих, но еще и буйный алкоголик, – фыркнул омовец. – Молчи лучше, трепач. Твоя задача нас до Олимпа довести. А будешь в дороге без команды дебоширить, мигом жвалы тебе местами поменяю. Мы все-таки в форме, а это значит – при исполнении.

Геракл удивленно посмотрел на Жомова и пожал плечами. Дескать, мне по фигу. Все равно люди про мои подвиги легенды станут рассказывать. Затем он еще раз окинул грустным взглядом разоренные конюшни и поплелся в сторону дворца Эврисфея. Менты последовали за ним. Гомер замыкал процессию. Пронырливый грек тут же прикинул, что приписать подвиг никому не известного в Элладе Жомова всенародному кумиру Гераклу куда выгоднее для увеличения собственной популярности. На ходу придумывая строки нового стиха, он принялся вполголоса проговаривать их себе под нос, но наткнулся на испепеляющий взгляд гонителя поэтов Рабиновича и, обиженно шмыгнув, тут же замолчал и всю дорогу до покоев Эврисфея не произнес больше ни слова.

Стража у ворот дворца уже освободилась от оков пропаганды Морфея. Сон после обильных возлияний в честь Диониса штука, конечно, хорошая, но от похмелья греков он, как ни странно, не вылечил. Только что проснувшиеся и выгнанные из постелей на яркое солнце стражники были не в состоянии выполнять свои обязанности и просто проводили измученным взглядом пятерых путников с собакой, даже не спросив у них удостоверения личности.

Эврисфей оказался тучным бородатым стариком, одетым в пурпурный плащ поверх белоснежной туники. Он восседал на атласных подушках, постеленных поверх огромного мраморного трона, и дремал, безвольно свесив на грудь кудлатую голову в короне, больше похожей на диадему какой-нибудь светской львицы, чем на величественное украшение царского чела. Его охрана, услышав звуки шагов путешественников, встрепенулась, старательно пытаясь выбраться из дремотного состояния, но сам владыка Тиринфа даже не пошевелился. Жомов критически окинул царя взглядом и резко свистнул, засунув два пальца в рот. Эврисфей резко дернулся и поднял голову, уронив на пол корону. Та, коротко звякнув о мраморные плиты, закатилась под трон, но царь этого даже не заметил.

– Что такое? Кто такие? – удивленно поинтересовался он, обведя присутствующих мутным взглядом и, остановив свой взор на лице Геракла, облегченно вздохнул. – А, сын Зевса?

Ты почему уже вернулся?... Впрочем, ладно. Подай со стола кубок с вином, а то у меня голова после вчерашнего трещит.

Геракл кивнул и уже двинулся выполнять приказание Эврисфея, но Жомов остановил его, грубо дернув за плечо.

– Ты, что ли, здешний царь? – наглым голосом поинтересовался омовец у Эврисфея, за что тут же получил от Рабиновича удар локтем по печени.

– Ваня, вечно ты поперек батьки в пекло лезешь, – зашипел кинолог. – Стой молча. Я сам все улажу, – и произнес уже громче, обращаясь к правителю Тиринфа: – Эврисфей, Геракл вычистил конюшни. Теперь мы пришли забрать его на Олимп. Дело государственной важности. Так что ты не обессудь. Остальные подвиги он будет выполнять после возвращения.

– А Сатир вам не мясо?! – протрезвев от удивления, поинтересовался царь. – Что это за уроды и кто их сюда пустил? Стража, вышвырните их из города. Геракла можете оставить.

Несколько секунд дюжина закованных в бронзовую броню воинов пыталась сообразить, что именно от них требуется, а затем они все как один радостно хлопнули себя по лбу и, опустив вниз копыя, направились в сторону незваных гостей. Рабинович развел руки в стороны, дескать, я не виноват, сами напросились.

– Вот теперь, Ванюша, можешь поразвлечься, – великодушно разрешил Рабинович и отошел в сторону. – Надеюсь, с этими недоумками справишься?

– Справлюсь, не маленький, – буркнул омовец и отстегнул от пояса дубинку. – Ну, идите сюда, недомерки.

Схватка получилась короткой. Для начала Жомов с размаху провел дубинкой по накопечникам направленных на него копий, словно заправский тапер по клавишам пианино. Копья, тихо шурша, тут же вылетели в окно, оставив своих хозяев наедине с разъяренным сотрудником российских органов внутренних дел. От такого неожиданного поворота событий в первую секунду стражники опешили, а затем попытались неуклюже вытащить мечи из ножен, что позволило Жомову спокойными ударами дубинки размазать их всех, по очереди, по ближайшей каменной стене. И пока охрана царя плавно стекала вниз, Ваня подскочил к Эврисфею и схватил его за бороду.

– Ты, старый жирный козел, не слышал, что тебе сказали? – вкрадчиво поинтересовался он. – Повторю: Геракл идет с нами. Ясно?

– Да, пожалуйста. Я выпишу ему командировку, – тут же согласился перепуганный царь.

– Вот и договорились, – оскалился Иван и, отпустив Эврисфея, вернулся к друзьям.

Геракл, широко раскрытыми глазами удивленно наблюдавший за скоротечной битвой, тут же подошел и восхищенным взглядом посмотрел в лицо омовца. Жомов удивленно мотнул головой, спрашивая, что нужно сыну Зевса. Тот улыбнулся.

– Сила твоих ударов достойна богов, – радостно сообщил Геракл, будто Ваня и сам этого не знал. – Покажешь как-нибудь на досуге пару приемчиков?

– Пошли на Олимп, а там видно будет, – ухмыльнулся Жомов и, хлопнув полубога по плечу, направился к двери. Остальные последовали за ним, причем Андрюша Попов не постеснялся стащить со стола кабаний окорок... В дороге все сгодится!

Глава 5

После представления, устроенного Жомовым во дворце Эврисфея, мы всей компанией отправились в гости к Авгию одолжить у него лошадей. Пока мы добирались до его дома, какой-то не в меру быстроногий товарищ уже доложил греческому конезаводчику о погроме, случившемся во дворце царя, и тот не только не стал нам препятствовать, но даже ругать Геракла за потопленные в реке конюшни не решился. Напротив, Авгий похвалил его за усердие и недюжинную силу, не переставая коситься на Жомова. А затем так заспешил от нас избавиться, что вместе с конями и колесницей даже съестных припасов на дорогу выделил, чем весьма порадовал прожорливого Попова.

Коней для нашего путешествия поручили выбирать Гераклу и Гомеру, поскольку, хоть мои менты и передвигались в последнее время по дорогам в основном на этих ненавистных Попову животных, разбираться в лошадях так и не научились. Я во всей этой чехарде со сборами участия никакого не принимал. Ну, разве что рыкнул на парочку особо любопытных слуг Авгия, пытавшихся пощупать руками диковинного пса чужестранцев. То бишь меня. Догадываетесь, что с ними стало после таких вольностей? Да нет, не съел я их! Говорил вам уже, что греками не питаюсь. Просто показал этим наглым аборигенам свои великолепные клыки, и любопытство слуг Авгия словно ветром сдуло. А следом сдуло и их самих. В другой конец двора. Причем так поспешно, что их скорости иной котяра позавидовал бы.

В остальном все прошло тихо и мирно. Местные кони на Андрюшу косились и беспрестанно фыркали, но истерик не устраивали и вообще вели себя вполне пристойно. Да и сам Попов, хотя не выглядел счастливым, буянить не начинал, и мне казалось, что он уже смирился со своей участью вечного пассажира колесниц и телег – верхами ехать Андрюшу по-прежнему невозможно было заставить.

Наши сборы в дорогу закончились погрузкой в колесницу съестных припасов, добровольно пожертвованных на нужды экспедиции Авгием. Впрочем, добровольной из них была лишь малая часть. Наш самозванный завхоз Попов, которому любое количество продуктов всегда кажется маленьким, увидев, что именно выдает разоренный потопом конезаводчик, попросту взбесился.

– Да ты не офигел тут совсем?! – возмущенно заорал он на оторопевшего Авгия. – Мало того что мне придется всю дорогу на твоей вонючей кляче ехать, так ты еще и овес меня жрать заставить хочешь? А ну, тащи сюда нормальный харч, да побольше!

– И винца не забудь, – ласково улыбнувшись, поддержал его Жомов.

В итоге на колесницу было нагружено столько, что обе клячи, запряженные в нее, от удивления даже присели на задние ноги. Пришлось моему Сене вмешиваться и урезонивать дорвавшихся до дармовщины друзей. Отогнать-то от Авгия он их отогнал, но и сам от стяжательства удержаться не мог. Попов с Жомовым этого не видели, но я-то находился рядом, лично присутствовал при том, как Рабинович вкрадчивым голосом принялся вымогать у конезаводчика кругленькую сумму на дорожные расходы. Грек, не знавший уже, как от нас избавиться, попытался сунуть моему хозяину несколько медяков, чем едва не довел его до инфаркта.

– Слушай, родной, как ты думаешь, сколько имущества уплывет из твоего дома вниз по реке, если его так же, как конюшни, почистить? – вкрадчиво поинтересовался он у Авгия.

Фу-у, Сеня, это уже банальный рэкет! Я фыркнул и отошел подальше, не желая наблюдать за дальнейшими перипетиями шантажа в виртуозном исполнении моего хозяина. Просто поначалу стыдно стало. Ведь, согласитесь, «трясти» коммерческие ларьки перед профессиональным милицейским праздником – это одно, а терроризировать невежественных аборигенов – это совсем другое. Впрочем, брезгливо скалился я совсем недолго. Мы же в античную Гре-

цию не на курорт приехали, а спасением их мира от катастрофы занимаемся. А это уже называется «спасательная операция». Значит, и содержать нас греки просто обязаны.

В общем, Сеню я винить ни в чем не стал, а он сам себя и подавно. Вернулся назад со счастливым выражением на лице и тут же приказал отправляться в путь. От этих слов Авгий просто расцвел и едва на колени не бухнулся, чтобы помолиться за свое счастливое избавление от безжалостных стяжателей. Я, конечно, не слышал, каких пожеланий он нам в спину после нашего отъезда с его двора наговорил, но думаю, что речь шла совсем не о попутном ветре.

Путь до Фермопил предстоял неблизкий, и в этот раз транспортным средством я брезговать не стал. Побегав немного по округе, почти сразу забрался в телегу к Попову. В этот раз путешествие проходило довольно скучно и почти без происшествий, если не считать того, что в самом начале нашего пути две клячи, запряженные в колесницу, видимо, обидевшись на то, что Андрюша обозвал их «вонючими», на самом деле начали отравлять воздух. Попов поначалу стоически выдерживал их специфический запах, но затем и его терпению пришел конец. Грозно рыкнув на лошадей, он клятвенно пообещал замазать цементом все дырки в их организме. Лошади от таких угроз сильнее любить Андрюшу не стали, но и орошать нас дезодорантом собственного производства больше не пытались.

Впрочем, Попову это настроения не прибавило. Всю дорогу он стenal, ворчал, жаловался на жизнь, проклинал нашего персонального эльфа, всех его предков и начальников. Даже ночевки на относительно мягких кроватях в придорожных харчевнях и тонны поглощенной пищи не поднимали ему настроения. А уж когда Гомер напомнил Андрюше, что тот обещал научить его ораторскому искусству, так Попов до того взбесился, что своими истошными воплями перебил у хозяина одного из трактиров всю птицу во дворе. Ну что же. И это тоже можно было считать уроком поэту.

Зато Ваня Жомов только тренировками всю дорогу и занимался. То утром заставит Геракла отжимания и приседания выполнять, то рядом с лошадей приказывает кроссы устраивать, ну а во время привалов, для собственной разминки, натаскивает сына Зевса по рукопашному бою. Ваня и меня пытался к занятиям привлечь, да не на того напал. Вы сами попробуйте носиться по горам рядом с греком, от которого за версту потом и чесноком несет, так не хуже меня зубы скалить начнете. Рыкнул я пару раз на Жомова с его курсантом, и они сразу от меня отстали. Тем более и Сеня за меня вступился. Объяснил Ивану, что псы хуже людей перемещения в параллельные миры переносят, а из-за этого кого угодно покусать могут. Тоже мне, знаток собачьей психологии нашелся, нечего сказать! Но я на него за такую галиматью не обижался. Он ведь у меня страдал больше всех.

Видите ли, у моего хозяина не так уж много психических отклонений, но все они крайне серьезные. И оба, я думаю, где-то на генетическом уровне существуют. Во-первых, Рабинович даже дня прожить не может, чтобы не проверить какую-нибудь выгодную сделку. Ну, хоть спор у кого-нибудь выиграть. А во-вторых, без женщин Сеня просто сохнет. И если в наших двух предыдущих путешествиях компанию моему хозяину составляли некоторые особи противоположного пола, то сейчас идти нам пришлось исключительно в мужской компании. Вот и вздыхал Рабинович, горестно глядя на гречанок в тех городишках, мимо которых мы проезжали.

А тут еще и тоска зеленая одолевать начала. Греки с этими выборами нового верховного бога просто взбесились. Кидаются из крайности в крайность, а нормальные человеческие дела позабросили. Не разбойничают, не грабят, не убивают никого. Даже драк в кабаках не стало. А скажите мне на милость, как нормальному российскому милиционеру развлекаться там, где ни одного правонарушителя нет?! Не знаете? Вот и мы тоже не знали до тех пор, пока до Фермопильского прохода не добрались.

Я тогда от скуки и безделья совсем шальной стал. Чем только не пробовал себя занять. Даже лошадей в Андрюшиной колеснице пугать пытался, чтобы хоть какое-то развлечение

было. Но Сеня на меня за такие вольности наорал и пригрозил к поводку пристегнуть, вот я и счел за благо подальше от него убраться, а то еще заставит действительно на поводке рядом с его каурой клячей бежать, словно пешего буденновца за басмачами.

Я свернул в придорожный лесок, начинающийся у пологого спуска в довольно узкую ложбину, и попытался там найти кого-нибудь, кто не будет орать, как Попов, когда я к его кобылам приближаюсь. Однако после Андриюшиного истошного вопля, судя по всему, вся окрестная живность решила убраться подальше от дороги, видимо, приняв его рев за трубы Иерихона.

Я уже собрался вернуться назад, к нашему каравану, и вздремнуть на трясучей поповской колеснице, но именно в этот момент наконец заметил какую-то живность в ближайших кустах. Подкравшись незаметно, я приготовился выскочить прямо перед обитателем зарослей и радостно объявить: «А вот и я!» Тут выяснилось, что «живностью» является какой-то обнаглевший абориген, который старательно метил территорию.

Я пес не драчливый и на чужие владения обычно не претендую, но когда какая-то безволосяя и беспородная животина наглеет до того, чтобы у меня под носом территорию пометать, тут, извините, не сдержался – рявкнул на наглеца так, что тот с испугу кусты перескочил и с дикими криками прочь помчался.

Ну уж такого развлечения я пропустить не мог. Все-таки погонять хоть кого-то можно, не слыша за спиной истеричные призывы моего «альфа-лидера»! Вот и бросился следом за вопящим греком, выкрикивая ему вслед всякие обидные словечки. Сомневаюсь, чтобы он меня дословно понял, но вот интонации угадал безошибочно. Поэтому и продолжал бежать дальше, не разбирая дороги.

Конечно, в зарослях леса догнать аборигена в бронзовых доспехах труда мне не составляло. Сомневаюсь, что он убежал бы от меня и по ровной дороге, но все-таки я решил ему дать шанс хотя бы попытаться. Вот только забега по прямой у нас не получилось! Едва выскочив на дорогу, я тут же затормозил, поскольку прямо передо мной, ошестинившись копытами, стояло не меньше взвода вооруженных до зубов греков. Своего товарища внутрь строя они, естественно, пропустили, а вот мне продолжить финишный спурт не дали. Пришлось перед строем замереть, чтобы не получить несколько лишних и совсем не нужных дырок в моей шикарной шкуре. А аборигены, увидев, кто именно гонится за их товарищем, истошно заржали. Ну, ни дать ни взять, как те лошади из колесницы Попова, когда Андриюша в первый раз пытался им постромки развязать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.